

НИКИТА КАЛИНИН

ПОД СЕНЬЮ ИСПОЛИНОВ

10⁰
паблишинг

КНИГА ВТОРАЯ

Под сенью исполинов

Никита Калинин

**Под сенью исполинов.
Книга вторая**

«1С-Публишинг»

2020

Калинин Н.

Под сенью исполинов. Книга вторая / Н. Калинин — «1С-Пабблишинг», 2020 — (Под сенью исполинов)

Далёкое будущее. После сокрушительных войн на Земле между государствами Альянса и Союза человечество активно исследует и колонизирует космос. Планета Ясная – одно из самых малоизученных небесных тел, где люди успели побывать. Немногочисленная экспедиция космопроходцев перемещается на Ясную для установления контакта с группой своих предшественников. И тотчас начинают происходить странные вещи. После прыжка через пространство в составе экспедиции вместо утверждённой участницы оказывается неизвестный улыбчивый американец. Не исчезает ощущение, что на корабле присутствует нечто чужеродное. А куда пропали их предшественники? И откуда на Ясной берётся то, чего быть не должно? Во второй книге события постепенно разворачиваются. Группа космопроходцев попадает под перекрёстный огонь. Опасность грозит со всех сторон, и непонятно, кто враг, а кто друг. Каждый поступок может иметь далеко идущие последствия и стать фатальным. Туман под кроной хвойных гигантов по-прежнему скрывает свои тайны, но в конце повествования ответы на вопросы найдутся.

Содержание

Глава 1. Изумрудный город	5
Глава 2. Наполовину ложь	11
Глава 3. Стекланный саркофаг	18
Глава 4. Запоздалый клич	23
Глава 5. Былые враги	30
Глава 6. Парад двойников	36
Глава 7. Клубок противоречий	43
Глава 8. На пороге	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Никита Калинин

Под сенью исполинов. Книга вторая

Глава 1. Изумрудный город

Он мог пошевелить разве что глазами. Тело плотно обволакивало нечто прозрачное, холодное и твёрдое. словно бы его поместили в огромный пакет и откачали воздух, после чего тот вдруг остекленел.

Упаковали, как продукт...

Первые несколько минут внутри этого кокона были самыми длинными в жизни Роберта. Сознание, едва забрезжив, сорвалось в пропасть паники – дышать! дышать! В лёгкие не попал воздух, ни капли. Он чуть не умер от ужаса, но со временем понял, что всё-таки дышит. Непонятно как, но газообмен в организме продолжался.

Спереди бликовала стена мутного зеленоватого стекла. Роберт не ощущал хода времени, но знал, что висит тут уже долго – чувство голода, свирепевшее недавно, теперь утихло. И ничего не оставалось, кроме как разглядывать полупрозрачный монолит стены.

На самой границе зрения виднелось что-то, формой напоминающее морскую звезду. словно бы несущаяся волна вдруг застекленела и сковала случайного беспозвоночного.

Было холодно. Отчаяние сменялось паникой. Паника – отчаянием. Цикл прерывался разве что внезапным забытьём. Сном это не назвать. Все крики внутрь себя глотала тёплая тьма, сочившаяся из пролома на месте Ординатора. Странно, но когда он был, определить конкретное местопребывание бестелесного не получалось. Как ни ищи, а он – всюду.

Тишина сводила с ума. В минуты, когда изнурённое сознание утихло, наваливалась она – абсолютная, лишённая даже извечного писка. словно бы голос той самой тьмы из пролома...

Но вдруг он ощутил тепло. Кожа рук отозвалась первой – вездесущими иглами. Пальцы загудели, словно отбитые, что-то стянуло их вместе, сковав руки за спиной.

И кокон растаял.

Роберт рухнул и ударился головой о твёрдый пол. В лицо шибанула смесь запахов: мята и аммиак. Дыхание спёрло, будто в нос брызнули нашатырём. Его подняли рывком, удерживая под мышки. Двое: белотелые, безликие, высокие и изящные... Это были не люди, точно. Странно, дико даже, но Роберт совсем не боялся. Мысль, что перед ним существа с иной планеты лишь слегка холодила мозг.

Роберт быстро огляделся – Вики нигде не было. Помещение напоминало зал в знаменитом замке волшебника Изумрудного города, что в Гонконге: малахитовые стены плавно сливались над головой ассиметричным куполом, из центра которого на пол опускалась гранёная колонна с барельефами. Показалось даже, что они выглядели как китайские иероглифы...

Его вытолкнули в коридор. Оба чужих держали короткие жезлы со слабо светящимися символами, которые напоминали пистолеты девятнадцатого века: монолитные, округло изогнутые и расширяющиеся к рукояти. Нарываться бессмысленно...

Всё вокруг состояло из стекла. Стены то мутнели, превращаясь в камень, то вновь постепенно набирались прозрачности. В такие моменты в глубине их виднелись тёмные объёмные фигуры, иногда вполне узнаваемые. Порой это были целые сюжеты, почти как на камне древних земных пирамид. Чаще повторялся один и тот же: изящный паук с двенадцатью лапами и жвалами с обеих сторон, от которого во все стороны тянутся тонкие тенёта с опутанными существами на концах. И ещё символ, что-то типа трезубца.

Его остановили резко, рывком за сцепленные кисти. Хрустнуло в плечах, Роберт застонал, и его втолкнули в высокую арку, что оказалась справа.

Помещение было большим. Огромным даже, насколько он успел отметить. Чужаки, не церемонясь, бросили его лицом в гладкий, холодный пол. Втянув ноздрями воздух, он закашлялся – от малахитового стекла и несло мятным нашатырём!

Что-то где-то клацнуло, послышался гул, мигом передавшийся слабой вибрацией нестерпимо воняющему полу. Его подняли и швырнули, как того барашка в путях. Роберт не успел сообразить, что руки свободны, и со всего маху врезался лицом в нечто твёрдое и абсолютно прозрачное. По «стеклу» потекла кровь из разбитого носа, не оставляя никакого следа.

Роберт забарахтался, вскочил. Колба! Чёртова стеклянная колба, о которой говорил абориген!

Таких колб вдоль изогнутой стены залы, подсвеченных по верхней окружности, словно для выставки гигантских орхидей, стояло всего пять. Но орхидея была одна. И обращались с ней совсем не трепетно.

– Вика-а! – кулак Роберта врезался в невидимую преграду.

Она не реагировала. Лежала на полу колбы, как-то странно распластавшись. Как ни колол Роберт, как ни кричал, всё впустую.

Белотелые потеряли к пленникам всякий интерес. Роберт прощупал «стекло» везде, где дотянулся. Непонятно как он вообще попал внутрь: ни швов, ни стыков, ничего. И оно совсем не бликовало. Свет расположенных над колбами кольцевидных ламп словно «не замечал» его, проходя насквозь без малейшего преломления или отражения. На нём даже отпечатков и кровяных подтёков не оставалось...

Роберт сел на пол. Огромный малахитовый зал тоже венчался купольным сводом с колонной по центру, к вершине которой от стен тянулись тёмные изогнутые полосы, образуя спиральный рисунок. А у её основания копошились долговязые фигуры пленителей.

Белотелые удивляли. Они действовали чересчур слаженно, словно угадывали мысли друг друга. Роберт не слышал, чтобы они переговаривались или как-то иным способом коммуницировали. Возможно, тут шёл в ход некий аналог Ординатора, только расширенный, позволяющий им полноценно контактировать телепатически...

Белотелые что-то скрупулёзно изучали. Синхронно сдвигались вбок, разглядывая нечто у основания колонны. Роберт поднялся и приник к невидимой преграде, отгородив ладонями глаза от бьющего сверху света.

Абориген говорил правду: они такие же гости на Ясной. И что-то ищут. Роберт плохо помнил его бред, уловил лишь одно: если соискатели, или как он их назвал – саранча, обнаружат некий маркер, то Земле каким-то образом будет угрожать опасность.

Белотелым подсвечивали чудные подвижные нити, повсеместно свисающие с высокого потолка вокруг колонны. Стоило приблизиться к ним, как нити вдруг меркли, оживали и уклонялись, уступая дорогу, а после снова повисали и набирались яркости.

Вдруг зашевелилась Вика. Роберт опять крикнул, но звук не покидал прозрачной тюрьмы.

Девушка поднялась не сразу. Долго полулежала к нему спиной, озиравась, почему-то ощупывая лицо и голову. Затем села. А когда увидела белотелых в центре зала – шарахнулась к стенке.

Роберта она заметила только спустя пару минут. Он яростно жестикулировал, пытаясь привлечь её внимание. Их разделяли три пустых колбы, но они отлично видели друг друга. На лице Виктории читались полнейшее смятение, страх. И надежда.

На него.

Внезапно в залу вошли ещё двое соискателей. Они вывернули из-за колонны и, не останавливаясь около собратьев, направились к колбам. У Роберта ёкнуло внутри – Вика.

Девушка забилась редкой бабочкой, которой пришло время безжизненно замереть на стене коллекционера. Она тоже поняла, что идут за ней.

Колба не распаивалась и не опускалась. Белотелые просто протянули длинные руки, крепко схватили Викторию, пока она тщетно билась о стенки невидимой тюрьмы, и потащили в другой конец залы, за колонну. Она выглядела ребёнком рядом с ними. Беспомощным и перепуганным...

Роберту ничего не оставалось, кроме как бить в «стекло» пока не отсушило руки.

Он не заметил, когда её привели обратно. Не понял сколько времени прошло – поднял голову и увидел уже лежащей в соседней колбе. И в ту же секунду сильные тонкие руки подхватили его самого. Роберт решил не сопротивляться, не тратить попусту силы и идти добровольно. Но белотелых не особенно интересовало, что он там решил – вскоре ноги якута волоклись по полу.

Он старался увидеть и запомнить как можно больше. Коридоры расходились от центральной залы по разрастающейся окружности – тут всюду прослеживалась спираль. То и дело встречались ящики без замков и ручек, которые чаще стояли поодиночке, строго на одном расстоянии друг от друга, а со сводчатого потолка свисали те самые светонити.

Его вволокли в поразительно светлое помещение и с ходу поставили на какой-то невысокий постамент. Он даже дёрнуться не успел, как вновь застыл, залитый «стеклом», не в силах пошевелить ни единым мускулом. Это была уже не малахитовая зала наподобие тех, что он видел, нет. Всё вокруг было белым. На миг почудилось даже, что он попросту ослеп – тут сливалось всё, и только спустя минуту проявились первые контуры.

Их было пятеро: два конвоира остались где-то позади, а перед Робертом что-то быстро раскладывали по гладким овальным столам ещё три соискателя. Они вообще не отличались друг от друга. Ничем.

Белотелые синхронно обернулись, и Роберт поразился: женщины! Их скафандры настолько повторяли изгибы тел, что сомнений не оставалось.

Две встали по бокам – одна измеряла большой череп Роберта какой-то гибкой странной линейкой, вторая проделывала нечто схожее с предплечьем. В руках у центральной белотелой что-то угрожающе блеснуло. Игла!

Она поднесла её к запястью Роберта, и оно «оттаяло» при приближении инструмента. Игла вошла точно в вену, притом почти безболезненно. Удивительная неуместностью мысль мелькнула в голове: поучиться бы лаборанткам в ЦУПе... Тем самым близняшкам, что так долго колдовали над анализом его крови.

Запаниковал Роберт не сразу. Прошла минута, а игла всё ещё оставалась в вене. Боковые женщины потеряли к нему интерес, зато увлечённость им центральной только нарастала. Изучая его лицо, она чуть сдвинулась, и Роберт увидел прозрачный цилиндр, медленно заполняемый кровью. Если они намеревались набрать его весь, то жить ему осталось не так много.

Стало дурно. Настолько, что даже возникли зрительные галлюцинации – от затылка белотелой вверх потянулась пятицветная радуга. Экзекуторша всё время что-то прощупывала на лице и шее якута – под тонкими пальцами нерушимая прозрачная плёнка кокона неизменно таяла и тут же нарастала вновь, стоило им отдалиться.

Крови в нём оказалось больше, чем он думал. Цилиндр наполнился, а Роберт не умер и даже не потерял сознания, хоть и был к тому близок. Иглу вынули, а цилиндр в тонких пальцах неведомым образом распался надвое: одна часть исчезла в каком-то ящике, а другая оказалась в руках второй белотелой.

На какое-то время его оставили в покое. Центральная отошла вглубь помещения, и Роберт смог получше разглядеть его. В глазах по-прежнему рябило, но уже не так. Было предельно ясно, что соорудившие эту комнату не имели ни малейшего отношения к малахитовым залам – здесь безраздельно властвовала чуждая им симметрия. Всякая мебель, к примеру рисоподобные столы на тонюсеньких ножках, имела пару, а если не имела, то располагалась так, чтобы никоим образом не рушить идеальную картину.

Краем глаза Роберт увидел колбу, которая обычно тут явно не находилась. Слишком уж очевидно выбивалась она из общей симметрии. И вскоре догадка подтвердилась.

Стена напротив растаяла, и ещё одна пара внесла в помещение контейнер, похожий на те, что Роберт видел в коридорах. Белотелые некоторое время возились около колбы, после чего к ним вдруг обратилась центральная эзекуторша.

Она говорила!

Резкий, щеклучий говор, похожий на птичий клёкот, заставил Роберта внутренне поёжиться. Было в нём что-то манящее и одновременно отталкивающее. Что-то хищниче...

Колбу подтащили ближе. Внутри уже находился принесённый белотелыми контейнер. И он медленно раскрывался.

Похожий на звезду иглистый кристалл на дне мутнел голубым, и от него исходил еле заметный пар. Один из соискателей что-то шаманил с другой стороны колбы, держа в руках не то ракетку для пинг-понга, не то большую неудобную ложку на короткой ручке.

Кристаллический «ёж» вдруг пошевелился, треснув пополам. Белотелый водил «ракеткой» из стороны в сторону, будто пытался предугадать, куда же тот ринется. Но кристалл оставался на месте и быстро таял, растекаясь мутной жидкостью, которая в свою очередь испускала сине-серую хмарь. Вскоре туман загустел, возрос и всклубился; внутри мелькнули фиолетовые всполохи, отдалённо похожие на миниатюрные молнии...

В один миг хмарь пришла в движение. Закружилась, обретая форму вихря, и быстро заполнила колбу целиком. Вот тогда и пришёл черёд белотелого. Как только вихрь ускорился, он подносил нечто в руке к колбе, и хмарь, болезненно содрогаясь, отстранялась от невидимой стенки, вынужденно затормаживаясь.

В центре вихря возникла точка. Роберт никак не мог оторвать взгляд: она росла, менялась, и вскоре расплылась в узнаваемый овал человеческого лица. Его, Роберта, лица. Теперь уже хмарь вглядывалась в него – с интересом, изучающе. Выискивала что-то, прощупывала – осторожно, словно чего-то очень опасаясь... Так, если бы разум якута мог быть «заминирован». Роберт в очередной раз ощутил себя абсолютно беспомощным.

Ординатор наверняка стал бы преградой невидимым щупальцам, лазающим у него в сознании...

Лицо сгнуло в круговерти тумана так же, как и возникло. И только после этого Роберт смог отвести взгляд. Напоследок из сине-серых клубов выступил большой символ, иероглиф, похожий на литеру «Т», только на трёх «ногах» вместо одной.

Собрат белотелого с «ракеткой» встал с другой стороны колбы, держа в руке точно такую же. Чем ближе они подносили их к туману, тем быстрее он уменьшался, конденсировался, а вскоре и вовсе оцетинился кристаллическими иглами на дне контейнера, который немедленно захлопнулся.

Белизна перед глазами постепенно поглощала всё больше границ и очертаний. Что к нему опять обратилась центральная, Роберт понял только по пятицветной радуге её дыхания.

Его уложили. Левая рука освободилась от оков стекла, но сделать ничего не успел – её тут же придавил конвоир.

Снова угрожающий блеск посреди белизны. В пальцах центральной мелькнула тонкая, на грани видимости, нить. Она расправила её в струну и поднесла к локтевому суставу. Роберт внутренне сжался...

Но вдруг она остановилась. Выпрямилась, точно её кто окликнул. Одна из троицы как бы в изумлении подняла перед собой колбу Робертовой крови. Только вот отчего-то не красной, а фиолетовой. Ощущение какого-то извращённого дежавю пронзило Роберта. Точно такую же цветом кровь в пробирке с его именем держали перед собой одинаковые лаборантки ЦУПа, но тогда он списал это на действие нейролептиков...

Нить мигом исчезла. Его вновь «поставили». С каждой минутой он видел всё хуже, но до конца старался разглядеть и понять как можно больше. Настырный внутренний голос твердил, что тут всё не кончится, и они обязательно встретят своих.

Он не мог видеть лица центральной, но как-то понял, что на нём отобразился неподдельный интерес. Женщина приблизилась вплотную, нависла над ним – рослая, она была выше его даже несмотря на приступок.

Её клёкот опустил сердце в пятки. Он пробуждал что-то исконное, первобытное. Не пещерное даже – старше, сокрытое гораздо глубже...

Стремление спастись от хищника, но в другой галактике...

Фарфоровое лицо скафандра начало таять. Роберт ожидал увидеть жвала, один огромный глаз, щупальца, внешний скелет, да что угодно, только не то, что увидел.

Она была красива. Очень. Выведенные пунктирным шрамированием брови надломались в изумлении, белотелая – а она и настоящим лицом была бела – улыбалась тонкой линией бескровных губ... Искра восторга в раскосых чёрных глазах довершила смятение в уме Роберта. Чем она могла восторгаться? Что они такого нашли в нём?!

Центральная разглядывала его недолго. Было заметно, что она не дышит. Вскоре глянец вновь обволок прекрасное лицо, и она отвернулась.

В конце концов белизна втекла в глаза Роберта, он ослеп. И только потеряв зрение, вдруг осознал, что всё это время его лёгкие не работали. Паника разнесла сознание на мелкие осколки, Роберту удалось совладать с собой с горем пополам. Как и в прошлый раз, организм дышал непонятным образом.

Одна из троицы что-то проклочотала конвоирам, и Роберт обмяк безвольной куклой – привыкнув к жёсткости стеклянных оков, тело не успело среагировать.

Снова малахитовый коридор. В глазах жутко рябило. Плохо, но он всё-таки видел. Его волокли быстро, но уже не так небрежно. Сбоку то и дело мелькали яркими пятнами входы в слепяще-белые комнаты. Видимо, соискатели пристроили свою архитектуру к изумрудному городу. Или встроили в него.

Что они ищут? Откуда и кто они? Почему она так похожа на человека?

Тех двоих у подсвеченной живыми нитями колонны уже не было. Роберт скосил взгляд на барельеф, когда оказался достаточно близко. Даже не специалисту бросилось в глаза очевидное сходство украшавших колонну иероглифов с азиатской письменностью.

Пополнение в рядах пленников Роберт увидел издали. В глубине души он очень надеялся, что если не всё, то хотя большинство сказанного аборигеном окажется неправдой, бредом сумасшедшего. Пришло время убеждаться в обратном.

Беловолосый парнишка тоскливо наблюдал, как якута втаскивают в колбу меж ним и Викой. В выцветшем взгляде читалось менторски-снисходительное «я же говорил». Абориген ткнул пальцем себе в грудь, потом вслед удаляющимся соискателям и провёл по горлу. Состроил вопросительную физиономию. Затем указал за Роберта, на лежащую в беспомощности Вику. И повторил жест – провёл большим пальцем по гортани, точно острым ножом. И после резкий кивок – выбирай, мол. Роберта передёрнуло.

Что он мог, этот абориген?..

Наверное, многое. Воскресал же как-то...

Воскресал. От этой мысли холодели пальцы. Как это возможно? Это же попросту нереально...

Казалось, абориген и не ждал ответа прямо сейчас. Он улёгся на дно колбы, отвернулся и мерно задыхался. Будто плевать ему было на всех белотелых. Что они могли сделать ему? Ведь он...

Бессмертный.

Роберт провалился в трясину раздумий. Абориген предлагал выбор. Опять. Но... почему? Почему он просто не берёт то, что ему нужно? Ведь он даже физически сильнее, проверено. Что такого у него, Роберта, есть?

Он прислонился большой головой к невидимому прохладному стеклу. В соседней колбе лежала Вика – беззащитная, хрупкая, верящая в него...

Роберт споткнулся на полумысли. Приподнялся, не веря глазам, а потом и вовсе встал. То, что он разглядел поставило жирную точку в раздумьях и сомнениях. Они примут предложение аборигена.

У забывшейся болезненным сном девушки по локоть не было левой руки...

Глава 2. Наполовину ложь

– Внутреннее кровоизлияние, гематома в брюшной, часть печени подвержена некрозу. Я назвала всего три причины, по которым нужно сначала провести операцию, – Рената выглядела грозно, точно Родина-мать перед июльской бурей.

– Гарантии? – спросил Роман.

– Что Леонид Львович выживет? Их нет. Если бы не реаниматор и своевременная помощь, он бы уже умер. Наверняка.

– О том и речь. Вот тебе две чаши, – командир расставил руки. – На одной мы: ты, я, Трипольский, Буров, Иванов и, хочется верить, Роберт с Викторией. Наш шанс вернуться.

– С чего ты вообще...

– Не перебивай, пожалуйста. На второй чаше – Ганич. Скажи теперь, ты готова пожертвовать нами ради более высокого шанса спасти этому двуликому жизнь?

– Не суди по...

– Ответь, пожалуйста, Ренат. Прямо – готова?

Она молча сомкнула над головой «замок» из пальцев, уставившись в стол. Стены кают-компании давили.

– То-то же.

– Хорошо. Будь по-твоему... Когда?

– Приступай к подготовке прямо сейчас. Обо всём, что потребуется, говори.

– Я не знаю, что мне может потребоваться. Я раньше этого не делала...

– Все мы раньше чего-то не делали. У нас получится. И я буду рядом.

Командир почти верил в сказанное. Почти. Но тот мизер сомнения, очень крепкий и оттого опасный, как алмазная крошка в часовом механизме, нельзя выставлять напоказ. Ни в коем случае. Роман просто права не имеет говорить иначе. Пусть даже слова его были чуточку... неправдой. «У нас получится».

Погружение было прорывной практикой. Во всём, что касалось Ординатора, иного и не было. Такого рода воздействие на сознание человека скрупулёзно изучалось в НИМИ всего лет пять-шесть, цели ставились амбициозные: от безошибочного допроса предполагаемых преступников до лечения душевнобольных. И лишь недавно практику погружения ввели в общий курс обучения психосерверов.

Ели молча и мало. Одна Рената была вынуждена хрустеть печеньями больше остальных, запивая глюкозным сиропом, – мозг с размещённым Ординатором требовал очень много энергии. То и дело взгляды космопроходцев падали на пятно у стены. Казалось, если присмотреться, оно отливало голубым...

Никто не верил в случившееся. Большинству разоблачение Бёрда казалось каким-то дурным сном, мороком.

Буров молчал. Слушал, поглядывая и наглаживая щетинистый подбородок. Но вдруг встал и подошёл к стоящему у стены командиру почти вплотную, нависнув над ним.

– А какого лешего мы принимаем всю эту херь про Слово на веру?

Кают-компания замерла. Космопроходцы уставились на Истукана, словно бы тот и вправду был ожившим изваянием. Никто до этого не высказывался против заданного Романом вектора.

– Если задуматься, то верить её словам... – начал было командир.

– Я не про неё. Я про тебя, Роман Викторович. Кто подтвердит, что ты вообще говорил с Кислых? Бёрд? Иван, ты слышал их разговор?

Иванов покачал головой:

– Они просто смотрели друг на друга. Командир сказал, что диалог вёлся через Ординатора, – и добавил, тише и слегка виновато: – Только вот Ординатора в пещере не было. Мы никак не могли дозваться его там, под модулем...

– В том и соль. Ты ведь надыхался триполием, Роман Викторович. И теперь уверен, что всё было на самом деле. А ведь даже через Ординатора вы говорить не могли. Ну? Что скажешь?

Роман прочистил зубы и сложил руки на груди.

– Ты прав, Тимофей Тимофеевич, – он и заглянул великану прямо в глаза. – Только вот ответь и ты на вопрос. Какой *у тебя* план действий? Как *ты* планируешь эвакуировать экспедицию?

Буров не ответил. Только смотрел на Романа долго, испытывающе.

– Отвергаешь – предлагай. Всё ж просто, Тимофей. Усомнился во мне и хочешь решать? Хорошо. Я сложу с себя полномочия, но только вот чего скажи мне, друже: ты сам-то не дышал триполием? И другие им не дышали, нет?

Буров повёл плечами. Хоть пасмурное лицо и не выражало ничего, командир понял, что попал в цель.

– Кто ещё против порыться в голове Ганича? Кто считает так же? Что я просто насмотрелся галлюцинаций?

– Не нагнетай, – прогудел Буров и вернулся на место. – Никто так не считает. Только я. Признаю – перегнул палку.

– Предлагаю голосовать... – несмело вставил Трипольский.

– Обязательно проголосуешь! Как-нибудь. А пока, – Роман зло покусал щёку, – приказываю: капитану Неясовой подготавливаться к погружению, капитану Бурову оказывать ей техподдержку по всем возможным вопросам с реаниматором, лейтенанту Иванову – ПИМ в зубы и ни на шаг от Ренаты Дамировны! Не слышу!

– Есть, – хором ответили космопроходцы.

– Ему, скорее всего, не пережить погружения, – примирительно произнёс Буров.

– Выживет – молодец. Вернём настройки реаниматора обратно, не проблема, – отозвался Роман. – Нам гораздо важнее сейчас две вещи. Нужно выяснить, что это за Слово такое, за которое нам посулили помощь.

– А второе? – спросил Иванов.

– Отчёт по Ясной. Настоящий, не тот винегрет, что мы видели.

– Его нет, – уже уверенней встрял Трипольский. – Никакого отчёта нет и не было никогда. Ну, в привычном нам смысле.

– То есть? Поясни.

– Когда Михайлов наш, – Фарадей кивнул в сторону медблока, – возвращался на Землю, обе женщины-психосервера уже пропали. Некому было вкладывать отчёт ему в голову. Всё, что он принёс с собой в Новосибирск, да и в Вашингтон, – его личные воспоминания. И только.

– Всё так, Лёша. Только воспоминания эти сейчас могут оказаться дороже, чем рукопись «Отечества» Виктора нашего незабвенного Кима.

На какое-то время повисла тишина.

– Нужно настроить систему внешнего наблюдения. Мы тут как щенки в коробке, – резонно предложил Буров.

– Ты говорил уже.

– И ещё скажу. Это первостепенная задача. Не в голову Ганичу лезть надо, а на крышу модулей. Ты знаешь, Роман Викторович, я суеверный. Потому очень прошу – пусти сначала «глаза» починить. Потом уже остальное.

– Дельно... – признал Роман. – А при чём тут суеверия?

– Не обращай внимания. Встал не с той ноги.

Наружу пошли втроём: сам командир, Буров и Иванов. Последний остался часовым у входа в модули, в то время как старшие офицеры двинулись в обход, высматривая гнёзда камер. Почти все нашлись целыми и расчехлёнными. Разве что пару пришлось заменить.

– Как кувалдой кто приложил... – заметил Роман, глядя на выскочившие из «глаза» линзы и торчащие провода.

– Это, думаю, при посадке... Удивительно даже, что остальные целы.

– Почему?

– Да просто исходя из обстановки, – невесело отмахнулся Буров и опустил на своём «Сапфире» второй светоотражающий слой. – «Осы» из модулей запросто пропадают, Иконников не сегодня-завтра по воде пойдёт, Слово это... Да и Кислых... как там она о себе сказала?..

– «Раньше была одной из них».

– А сейчас она кто? Не одна из нас? Допустим даже, что всё тобою виденное – не галлюцинация. Допустим. Вдруг она с белотельными? Попала под их контроль? Почему она сказала именно так? «Была»...

– Шут её знает, – устало вздохнул Роман, следя за датчиком движения.

– Вот и я говорю – надо думать. Не бросаться очертя голову.

– Никто некуда не бросается, Тимофей. Пока мы всё ещё тут. За Ганичем никуда идти не нужно, он в медблоке.

– А Рената? О ней подумал?

– Не рви душу.

Эфир ненадолго затих. Буров проверял последние камеры, и можно было возвращаться.

– Не принимай близко к сердцу, Роман Викторович. Кто-то должен вставать поперёк, понимаешь же. Чтобы думалось лучше.

– Понимаю. Не дурак.

Всё чаще казалось, что кругом большой спектакль. Нет, Карина и прочие весёлости Ясной были отнюдь не декорациями – проверено кровью. Ощущение обмана таилось в другом. Роман начинал подозревать, что они, тридцать третья экспедиция в полном составе, даже не разведка боем, что было бы не так противно, а всего-навсего мишень. Тепловая ракета, отбрасываемая истребителем для отвлечения зенитных снарядов. Белотельные – чем не «зенитные снаряды» Ясной? Если так, то это значило одно: связь с этой планетой восстановили давным-давно. И вполне возможно, что на Ясной куда больше землян, чем они считают...

Роман повернулся лицом к ковру крон. Отсюда прекрасно виднелись обе прогалины: и с их челноком по центру, и та, в середине которой чернел его обугленный брат-близнец. Синезелёная «хвоя» сплошным ковром бургилаась прямым в горизонт, а правее плавно поднимались скалы. Лишь изредка виднелись каверны разрывов, да и то небольшие.

Тот подъём не сразу бросился в глаза. Он притулился у подножья скал и выглядел как бы их продолжением, поросшим местными деревьями. Только вот приглядевшись, Роман понял, что это не так.

– Что? – обернулся Буров, когда командир постучал ему по скафандру.

– Видишь?..

Истукан увидел сразу. И понял, что имел в виду Роман – тоже сразу. Они переглянулись.

– Неудивительно, что мы не разглядели. Как влитой ведь...

Около скалистого подножья виднелся образованный вздымавшейся хвоей холм, формой очень напоминавший те, что были под челноками.

– Думаешь, зарос уже? – спросил Буров.

– Почему нет? Времени прошло немало.

– А модули почему тогда не заросли?

– Шут его знает, Тимофей Тимофеевич.

– Но проверить стоит, да, согласен.

Едва Буров с Романом вывернули из-за угла, Иван двинулся им навстречу. «Оса» командира приняла его целеуказатель – не размахивать руками Ивана научил Бёрд...

Целей была пара. Во-первых, выяснилось, что таких холмов, поросших деревьями, уже два. Ещё один виднелся дальше, в противоположной стороне, но тоже близко к горной гряде, тянущейся на север. Если первый они по большому счёту проморгали, то чтобы увидеть этот, нужно действительно потрудиться.

Вторая цель была ещё интересней. Вдалеке, километрах в сорока от колонии, виднелась маленькая прогалина. Либо же очень большая каверна, что даже скорее всего. Как-то приютилась она, затесалась, что космопроходцы, когда осматривались с «телячьего языка», упустили её.

– Не всё так плохо... – констатировал командир и вкратце объяснил всё Бурову.

– Глядишь, не придётся ни за каким Словом лезть. Представляю, какая это «радость» для психосервера – рыться в башке теолога.

– Одно другому не мешает. Хотя, – Роман нажал на интерпанель входного шлюза, – если есть возможность не совать руку в анус...

– Именно.

* * *

Трипольский, блёклое подобие прежнего деятельного выскочки, ждал его у лаборатории, как и договорились. Глаза Фарадея покраснелись – он снова плакал. И Роман понимал его как никто. Последние сутки ему тоже хотелось выть. Противоречия рвали ум сворой бешеных собак, но он не подавал вида. Чего теперь. Верный выбор сделан – «человек» Макленнора убит.

Или всё же убит Майкл Бёрд?..

– Удивительно.

– Что? – Роман встал рядом и заглянул внутрь изолированной лаборатории, на лежащее на столе тело.

– Сколько лжи вокруг. Уверенности не может быть ни в чём. Решительно ни в чём. Порой чудится, – хихикнул Фарадей, – что весь мир наш – ложь. Долбаный квантовый суп.

Роман хотел спросить «а разве когда-то было иначе?», но промолчал. Пусть говорит. Ему надо.

– Сначала нас долго убеждали, что он есть, – продолжал Трипольский. – Трындели ото-всюду. Потом – что нет. Затем я сам докопался, как мне казалось, до истины. Я видел чертежи и схемы, которых не видел никто. Они давали такую надежду! Удивительно просто... Квантовый мозг, устойчивая схема, где решена проблема охлаждения кубитов. Но вот загвоздка: всё это в голове «Осы», а не идеального с точки зрения физиологии андроида. Он, – Фарадей кивнул на тело, – не имеет отношения к тем чертежам.

– Уверен?

– Как сказал бы мистер Макленнор: «я уверен только в том, что мой кот знает побольше двух третей земного населения».

– Твой мистер Макленнор хорошо бы с Санычем поладил. Тот тоже порой доносит мысль через одно место. Доносил.

– Поладил бы, обязательно, – кивнул Фарадей. – Если бы Александр Александрович дожил.

– Не понял...

– Я... – Он сомневался лишь секунду. – Понимаете ли, Роман Викторович... Я уверен, что он здесь.

– Кто? – уставился на него командир.

– Алан Макленнор. На Ясной. Видимо, Альянс сумел повторить «прыжок». Но лишь однажды. Я так считаю, – как ни в чём не бывало пояснил Трипольский, осмотрительно подбирая слова; полуложь сейчас казалась единственным вариантом пойти намеченным путём и притом избежать новой бойни. – Вы же слышали Иконникова. «Он не синтетик». Куда уж понятней. Да и смерть мистера Макленнора всегда вызывала у меня вопросы. Какая-то она... приуроченная.

– К запуску «Кондора»?

– Угу. Громкое «разоблачение», конец кровавой войны – кому он нужен? Ну умер, да и чёрт с ним. Не до него сейчас...

– Нестыковка, – обмозговывал мысль Роман. – Буров, когда столкнулся с ним, замял ему трубку газоотвода. Будь внутри Алан Макленнор, он бы задохнулся. Или выдал себя.

– Не смешите, командир, – без тени улыбки ответил Фарадей. – Этот человек создал его, – он кивнул за бликующий стеклопластик, – а вы говорите – трубка. Но...

Роман выждал. Он помнил слова Бурова про то, что не стоит ломать крылья ближнему. Пусть доскажет мысль.

– Но теперь я сомневаюсь даже в этом...

– То есть?

– Я сам путаюсь, Роман Викторович... – пожал острыми плечами Фарадей, изо всех сил соображая, чтобы не сболтнуть лишнего. – Я уже ничего толком не понимаю. Вот пример вам: проект, над которым работал мистер Макленнор. Я ведь верил, что ему удалось. Что он создал разум, наделил им ту самую «Осу», про которую я только что говорил. Я думал, что Фрэнки – его «человек». Потом меня замучили сомнения. Мозг, созданный им на основе квантового компьютера, едва ли уместил в себе полноценное сознание, это я понял недавно. Ему было б там... тесно. Я думал дальше. Если так, то зачем эта «Оса» нужна? С квантовым-то мозгом. А просто всё. Она – идеальный помощник в экстремальных условиях. Скафандр, защитник и друг, если хотите. Огромный ходячий боевой компьютер.

– А... Бёрд?

– Бёрд... Бёрд слишком сложен для земных технологий. Даже для гения мистера Макленнора, при всём моём уважении. Даже не представляю, что у него внутри!.. Вы же видели его. Мы все видели. Жили с ним. Ели. Пили. Шутили. Ругались даже. И воевали вместе. Вы с ним плечом к плечу бились с белотельми, Роман Викторович. Он был похож на пластмасску с умной начинкой и жидким гелием вместо крови?

– Нет, – коротко ответил Роман и сглотнул.

– Вот. Это – «человек», несомненно.

– Но «человек» ли это Макленнора?

Лучшего подарка было не сыскать. Командир додумал сам, увёл разговор в сторону, а значит, и полуложь удалась.

Теперь космопроходцы разговаривать начнут раньше, чем стрелять. Должны, во всяком случае. Ну и пусть след ложный, ведь сам Трипольский не на миг не усомнился, что Майкл – дело рук Макленнора и что квантовый мозг способен уместить полноценное сознание. Уж лучше так, чем не получить ответов всей жизни из-за чьей-то скоропалительности и собственной нерасторопности.

Лучше выяснить, что ты самонадеянный псих, чем недальновидный осёл.

– Его надо будет осмотреть. Вскрыть.

– Сделаю, – кивнул Трипольский с видом уставшего полицейского, вручную не раз душившего гидру мафии.

Это была не просьба, скорее просто констатация факта. Но уточнять Роман не стал. Пусть это будет он, Трипольский. Буров поймёт и даже согласится. Он питает почти отеческие чувства к пареньку.

В голове командира шевельнулась бредовая мысль.

– Алексей, ты говорил, что знаешь... китайский, так?..

– Да. А что?

– Да тут... – Роман посомневался, но лишь секунду. – Иероглифы. Вот, смотри. Шут знает, вдруг поможешь.

Мнемокадр переключался в голову Фарадея. Всего один, на котором наилучшим образом запечатлелись выведенные чем-то голубоватым непонятные загогулины. Ответ превзошёл самые смелые ожидания.

– Если... – Трипольский нахмурился, всматриваясь в мнемокадр. – Если немного подправить, то... то получится просьба.

– Какая ещё просьба?

– Дословно я бы перевёл как «пощади ребёнка». Или «пощади дитя». Где это?

– Около модуля в горах, – сухо ответил Роман. – Ладно, Лёша. Светлая всё-таки у тебя голова.

После этого разговора Роман надолго ушёл в себя. Такие случайности не случайны – чтобы едва забрезжившая догадка вдруг нашла косвенное подтверждение со стороны.

Если у американцев что-то получилось с «прыжком», то был шанс, что их, тридцать третью экспедицию, действительно забросили сюда всего лишь в качестве отвлекающего манёвра. Это объяснило бы кучу моментов – от состава, разбавленного зачем-то теологом и журналисткой, до отчёта по Ясной. Ведь о никудышности последнего Костя Корстнев просто не мог не знать! Это его работа!

Смущало одно: сам Роман имел доступ ко многим документам и темам внутри ЦУПа, да и не только. И уж если он блуждал впотьмах неведенья, то задуматься, что же за организация или человек были в том заинтересованы, стоило бы серьёзно!..

Теперь, когда в модулях частью систем вновь управлял ЭВМ, а камеры снаружи бдели за периметром, ощущалось шаткое, но спокойствие. Так их хотя бы не застанут врасплох. К тому же вновь обозначилась нить. Буров был прав: не стоит торопиться с погружением.

Меж тем в медблоке уже всю гудела подготовка. Вооружённый Иван ни на шаг не отходил от Ренаты, а Буров помогал ей с реаниматором. «Снимать» Ганича с искусственной жизни нужно было плавно, иначе, когда придёт время, напичканный препаратами мозг теолога выдаст невесть что. И погружение просто-напросто ничего не даст.

* * *

Трипольский тоже был тут – вошёл вслед за командиром.

Рената старалась вспомнить как можно больше из спецкурсов факультета, и Ординатор в помощники тут уже не годился. Официальная информация и утверждённая методика обучения – это одно. А советы бывалых психосерверов – иное.

– Как это будет? – поинтересовался Трипольский.

– Не знаю, Алексей. Нас учили, что всему можно и нужно придать форму. Чаще подсознание само делает это. Там – царство образов.

– Мистикой отдаёт...

– Ты ещё не избавился от снобизма по отношению к мистике? – по-матерински снисходительно усмехнулась Рената. – Когда-то и мои возможности психосервера сочли бы мистикой!

Трипольский промолчал. Если с Пустым он нашёл хоть какое-то объяснение, то расшифрованные записи с молодым Иконниковым – и не просто, а после, фактически, смерти – выбили у него почву из-под ног.

Роман вкратце изложил план, родившийся буквально минуту назад.

– Как – отложить?! – мгновенно взъерошилась Рената. – Ты просто не понимаешь, что говоришь! Я уже запустила процесс, перенастроила реаниматор, обрубил часть медикаментов! Уже нельзя всё вернуть, а потом снова повторить – это фатально для Леонида Львовича!

– Я не говорю – отменить, – вкрадчиво пояснил командир. – Я говорю – отложить. Сколько он может пробыть в... подготовленном состоянии?

– Тридцать часов. Не более. Это если я ещё придумаю как...

– Выше бровей, – перебил Роман. – За это время мы не то что сходить в разведку успеем – мы с подкреплением вернёмся!

Мужчины воспряли, только Буров оставался безжизненно спокоен. Но даже один-единственный его кивок означал горячую поддержку затее с разведкой. Рената понимала, что они не столько жалеют её, сколько реально ищут выход. Но что-то внутри уже клокотало...

В конечном итоге она осталась одна. Всё это время из медизолятора на космопроходец безразлично таранилась Милош. Едва Рената приблизилась, чтобы рассмотреть пропитавшуюся кровью перевязку, как повреждённая вдруг ударилась лбом в стеклопластик. Рената вскрикнула от неожиданности.

Милослава упиралась головой в преграду, точно надеялась её продавить, а горячее дыхание оставляло запотевший овал, за которым быстро скрывалось осунувшееся бледное лицо. Милош высунула язык, странно покачиваясь, и...

Через миг Рената изумлённо разглядывала медленно исчезающий иероглиф на запотевшем участке стеклопластика, который она им только что начертила...

Глава 3. Стекланный саркофаг

Странно, но и тут наступила ночь. Мутно-зелёная, она затопила купольный город не сразу – стены, видимо, меркли по мере захода за горизонт местного светила. Оказалось, что основной свет дарили не нити, живыми змейками свисающие с потолка, а сам купол. Теперь он угасал гигантским мутным абажуром, оставляя залу нанизанной на светонити полутьме...

Белотелье исчезли непонятно когда, Роберт не особо следил за ними. Он глядел на неподвижную девушку в паре метров от себя. И сожалел, уронив на руки большую голову.

Надо было слушать голос интуиции там, в подземном саду... Ничего бы этого не было! Ничего!

Абориген лежал спиной, почти бездыханный. Голую худую спину уродливо бугрили рёбра и позвоночник. Откуда в нём столько силы? Казалось, дунь – и развалится.

Он наверняка имел какое-то отношение к повторителям. Гибрид? Плод генной инженерии? Кто он? Откуда у него такие познания? Он ведь знал не только о технологиях землян, будь то протоволны или Ординатор, но и о белотельях. А его фраза про «бельгийское дерьмо»?!

Уверенность аборигена обезоруживала. Как он рассчитывал им помочь? Он такой же пленник!

Беловолосый вдруг начал содрогаться, точно никак не мог прокашляться. Затем приподнялся на локте, и по телу волной пошла судорога. Его вырвало.

Сначала на пол хлынула бесцветная слизь: обильно, тягуче, пузыристо. Вторая волна рвоты уже окрасила лужу красными и желчно-жёлтыми разводами. Стоя на четвереньках, абориген сделался похожим на доходягу-кота, сдуру сожравшего около помойки отравленную крысу.

Третий позыв сопровождался воплем. Звук не преодолевал невидимой преграды, но Роберт знал наверняка: абориген истошно орёт. Вздувшиеся вены на шее и висках, казалось, вот-вот лопнут, и яркая кровь стечёт с холодного стекла без малейшего следа, а тощее тело останется остывать в кроваво-мутной жиже.

В лужу под ним что-то выпало. Абориген с трудом уселся и просидел без движения несколько долгих минут, приходя в себя. И то и дело касался кончиком пальца того, что накануне покинуло его желудок. Роберт наблюдал.

Это было похоже на яйцо. Куриное яйцо бледно-голубого цвета, всё в пятнах крови и рвоты. Немного ассиметричное и вроде как светящееся.

Абориген поднял его, поморщился, как если бы схватил уголь из печи, медленно выпрямился и встал спиной к Роберту. Что он там делал – непонятно. Но спустя какое-то время беловолосый очутился снаружи прозрачной тюрьмы, вынырнув в большой вырез.

Он медленно вёл яйцом по стеклу, и за ним оставался след, как от детского фломастера – яркий, неровный. Минута, и контур сомкнулся. Но вместо того, чтобы выдавить получившийся овал, абориген просто-напросто протянул Роберту руку. Внутри «фломастерного» контура стекло начисто исчезло!

– Идём... – с трудом выдавил беловолосый и кашлянул. На пол упало несколько кровавых капель.

Вика так и не пришла в себя. Роберт осторожно вынес девушку из колбы, стараясь не смотреть на то, что осталось от её руки.

– Что дальше?..

Роберт ещё не определился, кого им с Викой стоит остерегаться больше – спасителя или предполагаемых палачей.

– За... мной... Не... отставай... – хрипел беловолосый.

Абориген переложил неровное яйцо из руки в руку. Сложно было не заметить синюшные отметины с трещинами там, где оно касалось кожи.

Роберта шатало. Он шёл, стиснув зубы, неведомо откуда черпая силы, чтобы переставлять ноги и не ронять бесчувственную девушку. Иногда они останавливались и прислушивались. Чаще рядом с контейнерами вдоль стен, чтобы в случае чего была возможность быстро спрятаться.

Перехватывая поудобней соскальзывающую Вику, Роберт случайно прислонился к одному из них.

Контейнер гулко завибрировал, как если бы внутри включилась на отжим старая стиральная машина. Роберт отпрянул и поймал на себе странный взгляд аборигена. Точно так на него смотрела центральная из троицы, разве что взгляд женщины-чужака был Роберту необъяснимо приятен. В отличие от холодного взора провожатого.

– За... мной...

Абориген сторонился светонитей. Казалось, или они светились ярче при его, Роберта, приближении?..

Вика болталась тряпичной куклой, и хоть и была миниатюрной, а нетренированные плечи устали очень быстро. К тому же никто не отменял выкачанных накануне литров его крови. Роберт просто не думал, на каких неведомых резервах тащил бедную девушку. Переставлял ноги, и всё...

Часовых нигде не было. По левую руку оставались белоснежные комнаты с идеальной симметрией – где-то тут и побывал Роберт. Они походили на овальные соты или ряд присосок какого-то исполинского подземного спрута. Их чуждость изумрудному городу бросалась в глаза кричащей, точнее – слепящей очевидностью.

Внезапно абориген упал на четвереньки, и его опять беззвучно, обильно вырвало. Роберт опустил Вику на пол, быстро заглянул тому за плечо – кровью. Нетрудно было догадаться, что ключ к их спасению, то самое голубое яйцо, за время, что пробыло в желудке парня, хорошенько навредило ему. И теперь он медленно и мучительно умирал.

Опять.

Абориген сел на пол и утёр рукою тягучую кровавую слизь. Он тяжело, глубоко дышал и постоянно морщился, до побеления сжимая в кулаке ассиметричный овал.

– Там... дальше... – указал он на одну из «сот» белотелых, – основной спуск... в механический... город... Нам нельзя... туда... Не сейчас... Нам... нужно... переждать...

– Что?

Рот его расплылся в жуткой улыбке, испуская тяж красной слюны. Роберт обо всём догадался ровно за секунду до ответа.

– Мою... смерть...

– Они... – запнулся Роберт, отводя взгляд от выцветше-свинцовых глаз. – Они станут искать.

– Да... – кивнул как ни в чём не бывало абориген и поманил за собой. – Я предусмотрел... Сюда...

Роберт выдохнул, собираясь с силами, и попытался закинуть бесчувственную Вику обратно на плечо. Но его вдруг повело, и якут со всего маху рухнул набок, ударившись головой. Усталость взяла верх. Путь они продолжили лишь спустя некоторое время, когда он более или менее пришёл в себя.

Коридор казался бесконечным. Роберт помнил, что он – суть спираль с центром в той самой зале с колонной. Белизна чужеродных комнат уже давно осталась позади, и спуск потихоньку становился всё очевидней. Светонитей по потолку почти не было, мрак крепчал, и в одном из мест потемнее беглецы вновь присели отдохнуть.

Шаги послышались спустя несколько минут. Роберт вмиг представил, как его будут резать: неспешно, заживо, и на белом глянце безликих скафандров не будет ничего, кроме его собственного отражения.

– Не... шевелись... Только... не шевелись... – откуда-то из-за головы хрипел и булькал абориген.

Шаги приближались. Роберт ощутил холод по спине – встречи не избежать. Вездесущие контейнеры и полумрак укрывали не так хорошо, а вышедшие в коридор соискатели были уже совсем рядом. Но они, слава предкам, оказались не вооружены.

Аборигена будто подменили. Он прыгнул одному на спину ловко и быстро, Роберт едва успел вскочить. Изящное тело содрогнулось, чужак всплеснул руками и повалился навзничь, придавив собой цепкого, как клещ, парня. Роберт схватил один из контейнеров и что было сил саданул второго белотелого по вытянутой к затылку голове.

Клёкот заполнил малахитовый коридор, и Роберту померещилась быстрая победа. Преждевременно.

Раскрытая ладонь угодила в лицо наотмашь; мелькнула мысль, что хорошо бы то полетели искорки, а не зубы... Якута отшвырнуло к противоположной стене, он налетел на такой же контейнер и встать не успел.

Чужак навис белой точёной смертью. Длинные пальцы сомкнулись на шее Роберта, и он с ужасом осознал, что ничего не может – противника просто не достать! В панике он зашарил руками по полу и в ту же секунду поранился чем-то острым. Без раздумий схватил это и с силой ударил белотелого в локоть.

Трескучий вопль оборвался едва народившись. На спине раненого Робертом чужака возник окровавленный абориген – двумя короткими тычками он затолкал клёкот тому обратно в горло. Яйцо, которым он бил, оставляло «неоновый» росчерк во мраке коридора.

Стало тихо. В коридоре теперь слышалось только хриплое, булькающее дыхание аборигена. Соискатели лежали неподвижно, головы их выглядели так, словно по ним проехался разведывательный вездеход «Мальчик».

В руке что-то больно колелось и дрожало. Роберт глянул на собственное оружие и испуганно отшвырнул. Это был игольчатый кристалл! Точно такой же, какой таял в белоснежной комнате, превращаясь в туман с его, Роберта, лицом!

– Держи...

Абориген еле как разжал себе пальцы, чтобы высвободить яйцо. Кожа под ним потемнела, истончилась и пошла глубокими трещинами, из которых почему-то не сочилась кровь.

– Держи говорю... Тебе оно... не повредит... Но не... касайся им... моей Виктории!.. Усвоил?..

Он схватил Роберта здоровой рукой и быстро вложил яйцо ему в ладонь. Оно было тёплым и тоже слегка вибрирующим. Словно бы живым...

– Нам... повезло... Это... – Абориген глянул через плечо на трупы белотелых, с которых медленно стаивали «тканевые» скафандры. – Всего лишь... учёный... Геолог... Коллега твой!.. Запомни... – Он резко развернул лицо Роберта к себе. – Они... не стреляют... внутри города... Понял?.. Стены резонируют... Как и песок... Будет взрыв... Используй это... если я... задержусь... Пойдёте вниз... там больше нет... их... Я знаю... наверняка... Можете отдыхать... Но безопаснее... всего... будет после... могильника... Там они... не появляются... в такое время... Я проверял... это много раз...

– Куда ты?

– Теперь нужен... ложный след... я – в механический... город... Очень скоро... они пойдут... за нами... Я их запутаю... Впереди будут... раскопки... И могильник... Не советую... идти... в могильник...

Еле держась на ногах, абориген побрёл прочь. Роберт с опаской глянул на почти невесомое яйцо в руке, затем на раскрытые черепа белотелых. Как же он им умудрился забить их?..

Всюду была их кровь. Красная кровь. Длинные белые тела украшал идентичный рисунок пунктирных шрамов, изображавших на впалой груди спираль. С виду они почти не отличались от людей. Разве что глаза были чёрными... да ряды острых резцов заставляли коротенькие волосы на затылке шевелиться.

Вика стала неподъёмной. Тоненькую, миниатюрную девушку никак не получалось закинуть на плечо – остатки сил ушли на скоротечный бой. Глубоко дыша, Роберт сидел рядом и утирал слёзы. Ему вдруг стало жаль. Себя, такого немого, неприспособленного бороться и убивать. Её... такую...

Рука. Там, где должны бы виднеться оголённые части сустава, неестественно розовело что-то искусственное, накрепко спаянное с живым эпидермисом. Роберт сглотнул. Культя приковала его взгляд...

Вика еле слышно застонала, и ему будто жгучую пощёчину кто вlepил – не ныть! встать! идти!

И вновь тепло обмякшего девичьего тела на плече. Он не устал. Он. Не. Устал. Нет. Идти, только идти. Смотреть вперёд и больше никуда. Только вперёд.

Неправильный овал в ладони придавал уверенности. Шутка ли, абориген забил им двух белотелых! Только почему это яйцо не опасно для Роберта, если рука аборигена в последний момент почти уже не шевелилась? Высохла вся, как змеиная шкура на солнце, и покрылась трещинами.

Впереди была зала не меньших размеров, чем та, из которой они сбежали. Центр свода также подпирала колонна, но она была как бы... недоочищена? У основания лежали различные инструменты и вездесущие контейнеры, только пустые. Роберт глянул лишь мельком, на ходу.

Они счищали с колонны слой изумрудного стекла. Притом без привычных человеку следов выработки: ни тебе куч отколотой породы, ни пыли вокруг, ничего. Просто продолговатые борозды в теле стекла, как если бы его кто чайной ложкой черпал. А сама колонна с барельефами и иероглифов виднелась глубоко внутри. И опять у её основания проступал символ-трезубец.

Силы в очередной раз покинули его у выхода из этой залы. Роберт почти уронил Вику и рухнул на спину сам, тяжело дыша. Сердце гнало кровь натужными рывками, шумно откликаясь в голове.

Всё. Пусть хоть что! Сил нет...

Мутный взгляд бесцельно поплыл по потолку. Но прошла минута, вторая, и Роберт, толком ещё не переведший дух, уже всматривался – любопытство родилось раньше него.

Тут было на что посмотреть. Словно кто-то очень прожорливый день ото дня поедал стекло со стен небольшой ложечкой, как сладкий студень «Тархун». А внутри, за ним, темнела стена. Малахитового цвета, с иероглифами и фигурами, часто казавшимися объёмными. И «морская звезда». Почти такая же, как и первая, что он разглядывал долгие часы из своего кокона. Она тоже замерла как бы в воздухе, словно застыла в движении.

Слой стекла тут был повсюду. На полу и даже на потолке. Это навело на мысль, что когда-то зала была «затоплена» им полностью. А белотелые теперь очищали её с помощью «ложечной» выработки.

Роберт встал, чтобы идти дальше, но его внимание привлекла дальняя часть залы. Она была почти нетронута – толща стекла там выглядела внушительной. И то, что он разглядел, стоило потраченного времени.

Это была могила. Братский саркофаг из изумрудного стекла. Если, конечно, существо внутри вообще можно было назвать братьями...

Роберт прильнул к стеклу и случайно коснулся его лазурным яйцом. Послышалось шипение, и из-под руки взвился дымок. Он инстинктивно закрыл нос рукавом, но дымок оседал и стелился только вдоль стены, медленно исчезая. От него-то и исходил убойный запах «мятного нашатыря». Роберт поднёс яйцо ещё раз и с нажимом провёл. Ярко-голубой след истаял быстро, а на его месте осталась неглубокая борозда. Как от чайной ложечки.

Три фигуры в толщи мутно-зелёного стекла были абсолютно разными, но совершенно точно принадлежали некогда живым существам. Наверняка разумным – что животное бы делало тут, в этом городе?! Тем более что застыли они так, словно в последний момент ничего не подозревая контактировали...

Меж тем и многоногое низкое существо, похожее на краба, и зависший над ним диск с несколькими тоненькими, почти невидимыми щупальцами, и вполне себе антропоморфного карлика высотой Роберту до пояса объединяло одно – наличие у всех той самой «морской звезды». Она виднелась в разных местах, порой была почти неразличима, но всё же.

Хоть абориген и уверял, что белотелых тут больше нет, подолгу оставаться на одном месте не очень-то хотелось. Нужно идти дальше, мимо какого-то могильника. Роберт поднял Вику и тяжело зашагал.

Едва он подумал, что никакого могильника они не встретят, как из-за поворота полился яркий свет. Роберт остановился. И тут же вскрикнул от неожиданности – Вика впилась зубами в ухо!

Скинуть её с себя как можно мягче, стоило большой ловкости – девушка вдруг взялась лупить и царапать его единственной рукой. Хорошо хоть не верещала... Сообразив, что просто так истерика не кончится, он на секунду прижал её лицом к полу. От ударившего в нос мятного нашатыря она закашлялась и сникла.

Роберт сел напротив, прямо под яркий свет из белоснежного помещения в конце поперечного коридора. Замер, не сводя глаз с девушки. Ждать её реакции долго не пришлось.

Но вместо воплей со слезами Вика остолбенела. Она, не моргая, уставилась на обрубок руки. И молчала. Отёкшее лицо – поразительно спокойное – не выражало ничего. Прошло несколько минут, а она по-прежнему невидяще тарщилась и даже не думала плакать.

Роберту стало страшно за неё. Он не умел говорить. Да и что тут скажешь?... Какое-то время он просто сидел рядом и пытался заглянуть бедняге в глаза. Безуспешно. Словно Вика теперь не видела ничего, кроме ополовиненной руки.

Он поднялся, брякнул в никуда что-то типа «я рядом». Она не отреагировала, но руку опустила. И теперь тарщилась перед собой, просто в пустоту.

Пусть. Надо дать немного времени... Несколько минут ничего не решат. Он должен знать, правильно ли они идут. Где-то тут должен быть какой-то могильник.

Роберт прикрылся рукой и медленно, шатко пошёл навстречу холодному свету. Холодному в прямом смысле – по ногам повеяло вполне ощутимо. Роберт то и дело оглядывался, находя Вику на том же месте.

Коридор ожидаемо закончился невидимой стеклянной преградой. Роберт хотел было прорезать вход голубым яйцом, но, вспомнив предостережение аборигена, передумал. Вместо этого отошёл вбок и заглянул внутрь.

А вот и могильник.

Сверху клубился густой пар, а вдоль белых стен висели прозрачные коконы. Роберт потёр глаза...

Внутри находились люди. Обнажённые трупы без одной руки, обтянутые затвердевшим стеклом. И двое из трёх видимых – точь-в-точь тот, кто их вызволил.

В двух коконах висел разделанный на части абориген.

Глава 4. Запоздалый клич

Роман чертыхнулся, когда поймал себя на мысли, что ему не хватает бёрдовских констатаций очевидных вещей. «Ясная», – говорил чаще всего Майкл, когда они выходили на поверхность.

– Что-то случилось? – спросил Иван.

– Нет. Всё путём. Трогаем! – И два оставшихся в строю боевых экзотела двинулись на северо-восток, где высился поросший деревьями холм и виднелась небольшая прогалина.

Брать с собой третьего разумно было разве что в качестве приманки. «Сапфир» для Карины не более чем разноцветная фольга для детворы под ёлкой – конфеты будут съедены так или иначе.

Он ждал её ещё на опушке. Потом был уверен, что услышит заикленный смех среди тёмных лиан и эфемерного тумана. Но позади осталось добрых две трети пути, если верить системам «Осы», а Карина никак не желала появляться. Злой азарт тлел, потрескивал: убить, на этот раз искромсать тварь бронебойным калибром во что бы то ни стало! За Саньча. За отличного человека, которого теперь нет.

– Вот ведь как бывает! – нарушил гнетущую тишину командир. – А, Иваныч? Живёшь рядом. Споришь, доказываешь что-то. А потом – бац!.. Как в старых книжках про верность и предательство.

– Он нас не предавал, – негромко отозвался Иван.

С дерева спускался апатичный клещ. Роман как шёл, так и наступил со злости на одну из ходовых лап. Не полегчало.

– Скажи ещё, что мы казнили его.

Тишина была красноречивее ответа.

– Ты серьёзно так считаешь?

Иван упорно молчал, а Роман тихо злился, напрочь игнорируя ток-предупреждение.

Вскоре песок пошёл крупными ухабами. Ближе к цели деревья истончались и выглядели моложе, что подтверждало их с Буровым предположение. Но изменения леса начались слишком рано, Роман ждал чего-то подобного метров за пятьсот от предполагаемого центра холма, никак не за полторы тысячи.

Время шло, а он всё не успокаивался. И чем ближе они подходили к поросшему взгорку, тем сильнее накапливалась злость. Роман никак не мог понять её природу. Шедший впереди Иван обернулся, когда его коснулось эхо вмешательства. Казалось, даже антрацитовое троекрестие сейчас взирало с укором.

– Командир, – спустя некоторое время окликнул Иванов.

Лазерный целеуказатель скользнул по чему-то вдалеке и тут же преломился, распавшись надвое. Космопроходцы сделали ещё пару шагов, а красный лучик в это время, расщепляясь, плясал дивной цветомузыкой.

– На стекло похоже. Или изумруд какой...

То там, то тут из-под песка выглядывали валуны зелёного цвета. Словно впереди притаились черепахи размером с машину и с почти прозрачным панцирем. Деревья редели, становились зримо моложе остального леса и почти не цеплялись друг за друга лианами.

Разведчики предусмотрительно держались в стороне от зелёных валунов. Крона истончалась, свет здесь был не такой уж редкостью. И поэтому, наверное, почти пропал туман, лишь изредка напоминая о своём существовании завихренными в тени там, где только что прошли люди.

– Фон.

Роман заметил и сам. Счётчик Гейгера, как привыкли называть люди всякий прибор для измерения радиации, ожил неожиданно.

– Ноль целых, сорок девять сотых микрозиверт... – констатировал командир. – Мы на медосмотре больше хватаем.

Песок повсеместно сменялся не то стеклом, не то удивительно прозрачным изумрудом. Играя нечастыми лучами, иные валуны выглядели завораживающе красиво, а на близлежащих стволах дрожали размытые цветастые блики пастельных тонов.

– Как в старой сказке...

– Что?

– Глядим в оба, говорю!.. Не нравится мне это место, – понизил голос Роман.

Подъём только начинался. Он был пологим и уже почти полностью стеклянным, напоминая ледяную горку на городской площади под Новый год, залитую крашеной водой. Углепластиковые ступни отлично держались на его поверхности – космопроходцы предусмотрительно проверили насколько они скользят.

– Вулкан, что ли... – просопел Иван.

Наслоения виднелись невооружённым глазом. И вправду было похоже, будто расплавленное стекло когда-то текло сверху сплошным потоком, потихоньку остывая, а после накатывал следующий слой. Получалась причудливая и красивая «черепица».

– Роберт бы наверняка выяснил, что это, – отозвался Роман.

Дальше шли молча, то и дело страхуясь о деревья. Но, когда системы предупредили, что осталась буквально сотня метров, Иван вдруг выматерился.

– Ведь из-за меня же всё!.. Я выпустил их, командир!

Группа нечасто обсуждала исчезновение двух членов. Не потому, что всем плевать, нет. Наоборот, не было космопроходца, который не думал бы о Вике с Робертом по нескольку раз за день. Если нет толковых предложений, конкретных наработок и мыслей по их поискам, то лучше молчать. Переливание из пустого в порожнее в среде космопроходцев не приветствовалось.

Но всему есть предел.

– Ты не виноват... – почти дежурно ответил Роман, чувствуя, что кривит душой.

Иван остановился. Через пару шагов встал и командир. Датчики движения молчали.

– Я её не брошу, – медленно проговорил Иван. – Не брошу тут Вику. Думаю, *вы* меня понимаете.

И Роман понимал. Как никто понимал – сам готов был хоть с обрыва ринуться, знай наверняка, что так он разыщет Ольгу.

А он её разыщет. Где бы Ясная её ни прятала.

– Ещё не вечер в Барнауле, – хрипло, зло отозвался Роман. – Мы найдём женщин. И Роберта. Никто, кроме нас, Ваня...

Иван не ответил. Только посмотрел вверх, в небольшое светлое оконце. И пошёл дальше.

Стекло под ногами бликовало, отражая хищную морду «Осы» почти как зеркале. Тающие цифры на панели будто бы измеряли его, Романа, самообладание. Чем ближе космопроходцы были к вершине, тем сильнее засасывали его необъяснимые злость и тревога.

Но стоило подняться, как от них не осталось и следа. На вершине не было ничего, что указывало бы на присутствие людей. Надежда обнаружить тут челнок или модуль, спущенный на Ясную давным-давно, пошла прахом.

– Ноль целых, восемьдесят девять сотых микрозиверт...

Показатель радиоактивного фона вписывался в представшую перед космопроходцами картину, как нотный стан в фюзеляж бомбардировщика. Это было похоже на ожившую сказку. Но рассказанную не земным детям.

В насыщенном пылью воздухе витали осколки изумрудного стекла. Потоки света, отражённые, преломлённые ими, отчего-то изгибались и вились причудливо, меняя цвета от оранжевого до синего. Отталкиваясь от невесомых пылинок, в этих лучах купались какие-то не то червячки, не то змейки. «Заплывая» за границу тени, они бесследно исчезали.

– Чёрт... триполией, что ли...

– Нет, я тоже... вижу... Как живые.

Они и вправду походили на привычных людям беспозвоночных. Но лишь до той поры, пока экзотела оставались на удалении. Стоило Ивану приблизиться к одной из летающих змеек, как она вдруг задёргалась, быстро видоизменяясь. Это было похоже на заикливающийся обрывочек нанопроекции, коротенький и непонятный. Сам червячок притом рябил, как бы норювя исчезнуть, но что-то ему мешало.

– Голограмма?

– Похоже на то...

Космопроходцы осторожно шли к вершине, избегая змеек. Кое-где куски зелёной прозрачной породы были размером с них самих. Но тот, что витал над обширным кратером в самом центре взгорка, не шёл ни в какое сравнение даже с «Осами».

– Есть предположения, Иваныч?..

Предположений не было. Как и у самого Нечаева.

Округлый, вообще без углов кристалл был неправильной формы, с отчётливо видимыми изъянами и даже проломами. Поразмыслив, Роман пришёл к выводу, что и пыль, и более значительные куски в воздухе – всё это его частицы.

– Что-то внутри... – пробормотал Иван.

Да, в глубине потрескавшегося, выщербленного изумруда размером с треть модуля действительно виднелось некое существо. Или это человеческое изображение спешило всякой форме придать ненужный смысл?

– На краба похож... Здоровый какой!.. – всё говорил Иван.

Складывалось впечатление, что кратер под кристаллом – жерло вулкана. Не нужно быть геологом, чтобы понять: изумрудное стекло выплеснулось из-под песка, застав существо на холме врасплох.

– Подойдём ближе?..

– Не стоит, Ваня, – Роман усмехнулся, почуввав неладное. – Ясно же, кто погибает первым! Правильно: негры и решившие подойти поближе. Осмотримся ещё отсюда, обойдём. Но спускаться не будем. Нам ещё к проплешине идти – на всё у нас с тобой тридцать часов, помнишь?

Иван пошёл по часовой вокруг левитирующего кристалла. Следом двинулся командир. Что-то странное творилось с его панелью. Стоило отвести взгляд, как тут же вместо цифр чудились иероглифы. В итоге Роман уставился в показатель влажности, но разве мог он ожидать, что в следующую секунду иероглифы полетят снаружи, в подсвеченной пыли, среди витых пятицветных радуг?! Те самые червячки вдруг разом и обернулись иероглифами!

Роман остановился. Одна за одной, парящие змейки быстро принимали изначальный вид. Но не все. Некоторые исчезали: либо беззвучно лопались, либо схлопывались внутрь себя.

Что это? Газ? Но ведь уже прошло столько времени, всякое остаточное действие уже бы выветрилось! Или это... «Оса»? Ведь конкретно в этот экземпляр втекал вихрь...

– Иваныч, ты это видишь?

Боец медленно брёл среди иероглифов и радужной пыли. Он не слышал его.

– Иван?..

Экзотело словно бы отозвалось. Панель теперь без утайки покрылась иероглифами, а «Оса» вдруг самовольно остановилась, опустив винтовку дулом в стекло. Одно-единственное слово, которое Роман смог прочесть на панели, почему-то оказалось английским. И оно не предвещало ничего хорошего.

«Loading...»

– Ко-ман-дир?.. – фразу Ивана точно кто разрубил на составляющие, а в эфире нарастал треск.

Роман не мог ни пошевелиться, ни даже сказать что-то подчинённому – тот его попросту не услышал бы. Но самым страшным было не это. Вдруг выяснилось, что отказала система сублимации – ИИ экзотела бросал все, абсолютно все резервы на непонятную загрузку. Игнорируя даже прямую угрозу оператору!

Треск оброс гранями, набрался глубины и стал оглушительным белым шумом. Роман словно оказался в самом его средоточии – он кричал изо всех сил, чтобы хоть как-то заглушить его, но без толку. Экзотело трянуло – Иван уложил командира и наверняка пытался достать.

Голова, казалось, вот-вот лопнет; с панели стекли краски и размытыми мазками украсили темень перед глазами. Дышать стало нечем, и Роман почти уже смирился...

Внезапно всё прекратилось. Он схватил живительный кислород, и голова пошла кругом. Иван почти уже подключился к его экзотелу, но тот вовремя остановил его, дважды ударив себя кулаком по груди и выставив вверх большой палец.

Бёрд был прав, и это экзотело заражено?..

– Что это было?!

– Не знаю, Иваныч... – прокашлялся командир и медленно поднялся. Системы работали через одну, а индикатор заряда аккумулятора утверждал, что энергии осталось не более десяти процентов.

Кругом больше не было ни единой змейки, с их исчезновением пропало и очарование места. Даже несмотря на то, что куски стекла, кое-где соединённые разноцветными призрачными мостками, продолжали кружить, разве что теперь чуть быстрее.

– Ты слышал шум?..

– Никак нет. Вы упали и не отвечали. Я почти раскрыл «Осу», узнал у Ординатора как это...

Иван что-то ещё говорил, Роман не слушал. Прожжённые белым шумом динамики теперь тихим фоном наполняли шлем чем-то ещё, помимо голоса Иванова.

Мелодия... Та самая, из старого французского мюзикла, про принца-ворона. Мелодия, напетая нежным, тающим сопрано...

Роман решительно стряхнул морок.

– Чёртова планета!.. – прохрипел он, чувствуя ток.

Окончательно он пришёл в себя только через несколько минут. «Оса», казалось, тоже «очухивалась»: обнулившиеся было настройки вновь вернулись к заданным оператором, а ИИ усиленно пытался восстановить ЭМ-режим визора и датчик движения. При этом индикатор аккумулятора оставался в красной зоне, что никак не радовало.

– Через моё экзотело прошла какая-то информация, – заключил Роман. – Не уверен, но, по-моему, его поймали... как передатчик.

– Не этот ли? – Иван повернулся к залитому в стекло гигантскому «крабу».

Шутка прошла по касательной, вызвав лишь натянутый недолгий смех.

Вернувшиеся к удобной для оператора системе мер, показатели внешней среды не изменились. Все, кроме одного.

– Фон пропал... – опередил командира Иван.

Радиоактивный фон исчез вовсе: датчик показывал нереальные ноль целых, ноль десятых микрозиверт. Роман дал команду, и ИИ перевёл показатель в рентгены, но и тут с панели на него взирал мёртвый ноль.

– Не спец, но такого быть не может, – проговорил Роман. – Уж не на поверхности планеты точно – над нами же звезда! Ладно... – шумно выдохнул он, обливаясь потом. – Иван, чуток повремени. Пять метров – дальше не отходи. Мне нужно системы восстановить.

Иванова всецело занимал «краб». Существо – а это совершенно точно было именно существо! – с подсвеченной стороны ещё больше напоминало упомянутое членистоногое. Громкие лапы имели широкие «ступни», что выдавало в нём ходока по тяжёлому, коварному песку Ясной. Вверх от приплюснутого тела выбрасывались три манипулы, заканчивавшиеся чем-то сродни вогнутым полусферам, обращённым к прогалине в кронах. Всё его положение как бы кричало: «я не успел!».

– Залило стеклом, как того комара в янтаре... Он что, не знал, что сидит на вулкане? На клеща-древозада похож... Что-то в небо кричит... Самку зазывал?

Роман покосился на скованного изумрудом монстра. Усмехнулся: если он действительно призывал кого-то, то прийти этот кто-то должен был с неба. Или из космоса...

Ответ почему «взломали» именно его экзотело напрашивался сам собой. «Оса» Иванова была чистой. В неё не проникала инопланетная жизнь. А если так, то гигант в кристалле как-то связан с вихрями... Быть может, он просто устройство? Своеобразная антенна? Это бы кое-что объяснило. Но какой сигнал он мог отправить? И кому?

Едва ли белотелые были связаны с вихрями. Хотя бы потому, что контакты с обоими видами вышли разнополюсными: первые напали без предупреждения, атаковали с определённой целью – взять в плен, меж тем вторые, наоборот, контактировали. И защищали даже, если вдуматься. Ведь та «Оса», которую Роман принял за Бёрда, стреляла в них. А вихрь напал на неё... С другой стороны, он мог начать «говорить» лишь потому, что бы смертельно ранен, не более. И вообще, внутри второго экзотела был повторитель, который изначально мимикрировал под него и атаковал сам вихрь, так что...

Ситуация была запутанной.

Потратив немного времени, Роман выяснил, что красная зона аккумулятора заряда не баг. Это давало нехилую поправку на ветер.

Больше космопроходцы не нашли ничего, что могло бы представлять для экспедиции интерес. Перед спуском командир сопоставил заряд батарей и оставшееся время, отмерянное им Ренатой на всё про всё до «визита» в голову Ганича. На помощь пришёл услужливый ИИ. Мёртвый псевдоразум уверил Романа, что его «Оса» запросто сдюжит с путешествием до второй проплешины и обратно, и ещё останется небольшой запас. Но заряда точно не хватит, если случится бой.

– Рискнём... – всё же решил командир. – Двинули, что ли...

Песок появился вскоре. Следом чёрно-жёлтый углепластик обволок призрачный туман. Становилось темнее, падала температура. И опять нарождалась непонятная злость...

Будь с ними Бёрд, он бы непременно сказал что-нибудь. Про кристалл и «краба», про сигнал, прошедший через экзотело Романа. И обязательно что-нибудь очевидное.

– Мне однажды сказали интересную вещь... – разбавил тишину Иван. – Командир, можно на «ты»?

– Валяй, чего уж там.

Фонарный луч выхватил из полутьмы клеща, занятого приготовлениями к предсмертной трапезе – на песок летели куски лианы.

– Человека определяют поступки. Знаю: банально, – Иван заторопился договорить. – Но кем это было сказано и в каких условиях – для меня показатель... В общем, мы рубанули с плеча. Мы испугались, командир. Как подростки в пещере: забили палками нетопыря только потому, что у того крылья кожистые и в венах.

– Заговорил-то... – недобро усмехнулся Роман. – Как поэт, однако.

– Человека определяют поступки, – уверенней повторил Иван. – Он за тебя, командир, дрался. Рванул за тобой в лес, как за сыном, Джастином, который сплавы любит по горным рекам. Это мы предали его, а не он нас.

Ток.

Эфир, казалось, потяжелел от возникшего напряжения. Сжимая зубы, Роман понимал – парень прав. Но злость внутри шипела и извивалась, опасливо показывая лишь клыкастую морду из-под плоской холодной глыбы.

– Кем же был этот твой «кто-то»? Что за условия такие, что ты простой пафос на манифесты лепишь? – выпалил Роман, хоть и догадался уже, что услышит в ответ.

– Его звали Геворг Чхеидзе. Мы называли его дядя Гева, – Иван говорил неторопливо и настолько уверенно, что Роман не позволил себе встрять с неуместной колкостью; что-то в голосе лейтенанта с первых секунд заставило уважать дядю Геву. – Я же говорил, что был на Хиц-2?

– Я и так это знал. Ты под подпиской?

– Только я и под подпиской, командир. Просто больше некому – двое умерли от Q-рака буквально спустя месяц после возвращения из поганых джунглей. Но ты не думай – я не решил душу тебе излить, нет, – Иван немного помолчал. – Присяга остаётся присягой независимо от того, насколько ты далёк места, где её принял. Тайны никакой я не раскрою.

Роман знал чуть больше, но предпочёл смолчать. И поймал себя на мысли, что всё глубже проникается уважением к Ивану.

– Нас просили говорить, что мы участвовали в «устранении последствий». Но мы были там, когда это только начиналось. Знаешь, командир, почему я не люблю «алебастрового коня»? Почему обхожу реаниматор, знаешь? Дядя Гева почти всех называл пацанами, он был самым старшим среди медиков, да и среди всей экспедиции... – Иван подобрал слова. – Когда дядя Гева уже знал, что обречён, он каждого из нас троих по очереди положил на реаниматор. Он нашёл способ помочь нам. Не себе, хоть и были у него все шансы. Он умирал, когда делал это. Жутко, командир. Ему было больно каждую секунду, другие даже на месте стоять не могли, а он... Дядя Гева спасал пацанов. И каждому, как мантру: «человека определяют поступки». От боли в голове у него ничего, наверное, и не осталось. Только эта фраза...

– Сколько ты был в карантине?

– После смерти ребят – ещё год.

Только сейчас Роман вдруг понял, насколько парень не прост. За внешностью чуток нелепого «высушенного олимпийского мишки» скромно ютился человек несгибаемой воли. Подспудно подумалось о высказанных Иваном словах, что он ни за что не бросит тут Вику.

И порыв этот не выглядел напыщенным и дутым, ничуть. Хотя бы потому, что Иван ограничился одной-единственной фразой и вложил в неё всего себя. Роман уважал такой подход. Так в своё время поступил дед Азамата Нурбагандова, того самого командира Дикого батальона, останки которого юный тогда ещё Иван разыскивал вместе с «Вымпелом» под Варшавой. Глядя в лицо собственной смерти, лейтенант полиции Магомед Нурбагандов в далёком две тысячи шестнадцатом коротко сказал: «Работайте, братья!»

Весь оставшийся путь они слушали молчание друг друга. И каждый молчал о своём. Или своей...

Снова ржавой накипью пенилась необъяснимая злоба. Но теперь Роман не допускал, чтобы вмешался Ординатор, душил сам. И никак не мог понять её природу. Только когда Иван сообщил, что до цели осталось всего полкилометра, вдруг осознал: всему виной она. Призрачная надежда.

Поразительно, но теперь Роман просто-напросто боялся найти незадействованный членок, или модули, из которых тот можно было бы вызвать. Ведь это означало, что он будет обязан вернуться вместе с остальными. Туда, на Землю. В пустой Барнаул.

Без неё.

Лес светлел, и вскоре на песке показались длинные вертикальные полосы, проникавшие яркими пиками в извечную тень. Прогалина даже с такого расстояния была зримо меньше остальных.

А ещё она тоже плавно зарастала. Впервые космопроходцы увидели, как выглядят едва проклюнувшиеся деревья Ясной – они очень походили на тех самых червей-дождевиков, что зачем-то таскали приправленную аммиаком океанскую воду под кроны. Тонкий, изгибающийся ствол будто бы поддерживали стоящие рядом, более «взрослые» деревья, оплетая их лианами, а сверху, где должна быть крона, виднелся сине-зелёный бутон.

Но на деревья космопроходцы смотрели недолго. Стоило им выйти на открытое пространство, как злость Романа опять улетучилась. Нет, на этот раз они всё же нашли челнок.

Но он явно не принадлежал людям.

Глава 5. Былые враги

Сколько времени прошло с момента их побега, они не знали. Стены теперь откровенно «пекли» беглецов. Вика дважды падала в обморок, но воды у них не было. Роберту ничего не оставалось, как просто сидеть рядом и ждать, пока девушка придёт с себя. Нести её он больше не мог.

Несколько коридоров подряд заканчивались тупиками. Четыре или пять – они сбились со счёта. Словно белотелые, а тоннели проделали именно они, выбирали путь, что-то искали, шли к чему-то вполне определённом. Потому как в тупик всякий раз беглецы упирались без видимых на то причин.

Уже не оставалось сомнений – когда-то сеть рукотворных коридоров затопило жидким стеклом, которое впоследствии затвердело. Тут, ниже, уже не так часто встречались былые обитатели Изумрудного города. Словно белотелые начали высвобождать их из плена в первую очередь именно здесь, а не в залах с колоннами.

Выходило, путь был предопределён. Абориген заверил, что они больше не нарвутся на соискателей, так и вышло. А ещё он точно знал, куда отправлял беглецов.

– Это экзоскелет, – тихо произнесла Вика. Роберт, рассматривавший с пола очередного пленника, вздрогнул. Голос её надломился, и теперь чудился сухим и колючим, как крымский тёрн после войны...

– У них есть звезда, – кивнул якут. – У этого, – он вяло стукнул себя по взмокшей груди, – вот тут.

Помолчали. Роберта одолевала тревога: Вика почти всё время смотрела в пустоту перед собой. Иногда ему казалось, что она винит его в чём-то. Редко, но всё же ловил он на себе косой взгляд. А ведь она ещё не знает, как именно они оказались на свободе...

При этом Роберт по-прежнему верил в их встречу с остальной группой. Ничто не могло сдвинуть его с этой почти мистической веры. Именно благодаря ей они шли, падали, сбивая локти и колени, а не висели там, в стеклянных коконах...

Контейнеры перестали попадаться давно. Роберт, конечно, не надеялся найти в них еду или воду, но, когда других вариантов нет, хватаешься даже за самую бредовую мысль. Пить хотелось смертельно.

Выбранный ими коридор оказался последним. И он чем-то отличался от остальных. Возможно, тут просто почти не встречалось пленников стекла.

Два последних привала прошли в душной тишине. Становилось ещё и темнее – голубоватые прожилки по потолку, сменившие светонити, тускнели и редели. Обессиленно раскинув гудящие ноги, Роберт дважды проваливался в тревожную дремоту и дважды, очухиваясь под глухой набат сердца, видел напротив смотрящую перед собой Вику.

– Как мы выбрались?..

Он был готов к этому вопросу, но как оказалось – не до конца. Не раз прокрученные в голове слова бросились врассыпную, как те тараканы при включённом свете. Роберт заморгал и от растерянности натянул глупую кривую улыбку.

В этот момент он не отказался бы поменяться местами с кем-нибудь из узников стекла. Вика, почуяв неладное, посмотрела на него – как строительным пистолетом к стене пригвоздила.

И он рассказал всё. Вытаскивая слова, очень старался не смотреть в глаза. И не напрасно. Недолго, но горели они ненавистью адской. Так изничтожать взглядом умеет только женщина – мужчину.

– Иначе бы нас... – Он запнулся, глядя на левую руку Вики.

Она отвернулась, так ничего и не сказав. Странно, но Роберт ожидал чего угодно, только не такой реакции – испепеляющей, как сверхновая, вспышки гнева, после которой взгляд заволок туман; и ни слёз, ни даже простой злости.

Через какое-то время Вика глянула на него и произнесла сухо и холодно:

– Пойдём.

Темнеющий коридор петлял, пот нещадно выедал незащитные глаза. Вика теперь шла немного впереди – уверенно, не боясь. Так, словно смирилась. С чем?.. С увечьем? С тем, что рано или поздно глянет в глаза насильнику, от которого её ничто уже не будет отделять? Ведь Роберт – не боец. Удача не гладит одну и ту же голову дважды.

В конце концов они опять остановились. Колени выворачивало от безостановочной ходьбы. Беглецы вымотались настолько, что сил не оставалось ни на что, даже на хоть сколько-нибудь громкое возмущение.

– Тупик, – констатировала Вика и как ни в чём не бывало опустилась на пол у стены.

Роберт ничего не понимал. Они не могли пропустить развилку, исключено! Он отметил их в памяти все до единой! Как же так?!

Это был последний коридор...

Захотелось орать и скоблить ногтями стены. Бить в вездесущий изумруд кулаками, наплевав на боль. Но сил не было. Вместо этого Роберт тоже опустился на пол и тихо, бесслётно зарыдал. Чёрный провал внутри множил отчаяние – Ординатор бы сейчас выручил, помог! Но бестелесный канул.

Закрывшись руками, Роберт провалился внутрь себя и всё тонул, тонул в трясине вскармливаемой им же безнадёги: как быть? что делать? почему так? Пока не услышал колкое, как осколок хрусталя:

– Эй, ты чего?.. Русские же не сдаются.

Как встряхнул кто. Он замер, не в силах ни сказать, ни подумать ничего.

«Русские не сдаются». Кто это ему говорил? Девушка, над которой дважды надругался тот, с кем он заключил соглашение? Чью руку отрезали чёртовы белотелые? Девушка, которая даже не русская!

Он рассмеялся: коротко, надрывно. С силой потёр большими ладонями широкое скуластое лицо. И улыбнулся:

– Неа, не сдаются.

Спали урывками, болезненно-беспокойно. Роберту снилось, что у него нет рук, что он никак не может помешать аборигену, издевающемуся над Викой. Он то и дело подскакивал, озираясь. Но когда ложился, сон повторялся.

Утром их разбудил голод. В течение дня он обычно притуплялся, зато каждый раз сполна отрывался спозаранку. Желудок сводило так, что не думалось ни о чём. Они просто лежали двумя эмбрионами-переростками и почти не шевелились.

Роберт в очередной раз тупо пялился на культю Вики. Почему не стали отнимать часть руки ему? Ведь почти уже сделали это... Почти... Он глянул на яйцо в ладони. Перекинул в другую руку и присмотрелся к коже, насколько позволяло освещение. Ничего. Ни трещинки. И цвет вполне обычный.

А ведь у аборигена рука отнялась всего за полчаса. Кожа пошла трещинами, высохла, посерела. Точно отмерла. Даже пальцы не шевелились – он разжимал их с помощью второй руки. А ему, Роберту, хоть бы что. Возможно, это как-то связано с решением троицы пощадить его... Ведь они что-то там колдовали с его кровью, которая в конце концов стала фиолетовой...

Тут стены «ели ложечкой», как и везде в Изумрудном городе. Крепко сжимая голубое яйцо, Роберт поднялся и пошёл было к выходу, но засомневался и вернулся. Вика спала. В таком освещении веснушки на бледной коже вокруг вздёрнутого носика виделись почти бурыми.

Странно, но участок стены прямо за ней отличался, был немного светлее. Роберт при-смотрелся. Это залитый стеклом ход! Он глянул на яйцо.

Якут пристально осмотрел и прощупал странный участок вдоль и поперёк. Контур «заплавленного» хода неплохо просматривался, и было удивительно даже – как это раньше он его не заметил?

Роберт «прожёт» изумруд на стыке двух пластов – его толщина тут оказалась каких-то семь-восемь сантиметров. Он старался держаться на вытянутую руку, чтобы не вдыхать продукты возгонки. Ведь зелёное стекло именно возгонялось, преобразовывалось в тот самый мятно-нашатырный газ, а не плавилось. Потому нигде и не было даже малейших следов выра-ботки.

Поначалу Роберт отчаялся: комнатку скорее целиком заполнит мятным нашатырём, чем он пройдёт контур по всей протяжённости. Но как только появилось более или менее большое сквозное отверстие, сразу возникла тяга.

– Выход, – не то констатировала, не то даже посетовала проснувшаяся Вика. Она отошла в сторону и безэмоционально наблюдала, укрыв покалеченную руку здоровой.

Почти по-детски закусив от усердия язык, Роберт расширял отверстие на уровне лица. Когда в него уже протискивалась рука, он остановился и дал образовавшемуся сквозняку вытя-нуть нашатырь. Затем осторожно приблизил к отверстию лицо.

И шарахнулся, отскочив от стены.

– Что там?

Не ответив, Роберт заглянул снова. С той стороны стоял белотелый. Точнее, серотелый – кожа цвета гашёной извести с примесью пыли выглядела шершавой и была кое-где потрескав-шейся. Длинные руки он вытягивал перед собой, стоя лицом к людям. Словно бы пытался продавить запечатавший ход изумруд, но не сумел. Или не успел...

Роберт растерянно отошёл в сторону, его место ненадолго заняла Вика.

– Карина...

Белотелого на той стороне убила многоногая подвижная жуть, получившая с лёгкой руки Романа звучное женское имя. Вика не могла ошибиться – гипсование кожи слишком харак-терно.

– Режь, – безапелляционно указала она на стену.

Роберт работал долго. Как выяснилось, им просто повезло наткнуться на тонкий участок стекла и с первых же минут работы устроить сносную вентиляцию. Дальше дела шли не так быстро. Стена то утолщалась по контуру, то вновь становилась тоньше. Порой, чтобы прорезать до конца, приходилось просовывать руку целиком и работать наугад.

И внезапно за эту самую руку его кто-то схватил. Сердце Роберта оборвалось.

– Я задержался... – донеслось с той стороны.

Абориген отпустил руку якута, они встретились взглядами – усталые глаза на юном лице смотрели почти безразлично. Роберт хотел было что-то сказать, в первую очередь Вике, как-то успокоить её, поддержать, но растерялся. Ещё больше он растерялся, когда она вдруг порав-нялась с ним.

И взгляд аборигена блеснул.

– Моя Виктория...

Она смотрела ему в лицо. Долго, пристально и молча. Потом вдруг резким движением смахнула одну-единственную слезу с веснушек и проговорила твёрдо и уверенно:

– Если прикоснёшься ко мне, я тебя убью.

Абориген раскрыл было поплывший в улыбке рот, но Вика шагнула ближе и добавила:

– Убью так, как никто ещё не убивал. А затем – себя. Ведь я нужна тебе.

Беловолосый парнишка не отворачивал лица, глядел без вызова и нахальства, но с львиной долей снисхождения. Как уставший к концу жизни преступник, так и не обретший счастья ни в вине, ни в пустых женщинах, ни в деньгах, смотрит на заблудившуюся в пролеске девушку.

– Я не трону тебя... Но касаться буду... Путь будет непростым... иначе никак... – абориген помолчал и добавил: – Даю слово офицера...

Роберт закончил только спустя почти час. Абориген никак не помогал ему. Теперь он был вооружён не странным неправильным овалом, какой подарил якуту, а тем самым «бельгийским дерьмом», из которого в прошлый раз расстрелял его Роберт.

– Ещё немного... и в сторону... Я скажу...

Роберт слишком увлёкся и не услышал предупреждения. Лишь чудом ему удалось выскользнуть из-под ввалившейся к ним огромной глыбы стекла.

Труп белотелого был скован по рукам, точно когда проход запечатывали, он почти успел убежать, а жидкое стекло вплавило его в себя по локти.

Абориген вошёл, держа автомат наперевес. Глянул на Роберта, зыркнул ему на руки и скользнул взором по Вике.

– Впереди опасно... – кашлянул он и наступил на то, что осталось от соискателя; хруст был несказанно приятен слуху Роберта. – Делайте всё... что я вам скажу... Не заставляйте... повторять... Идём...

Они покинули Изумрудный город. Больше не было остекленелых стен с иероглифами, так похожими на азиатские, ни заключённых в безвременье существ всевозможных форм и видов, но с обязательной «морской звездой». Теперь вокруг беглецов сочились голубоватым привычные тоннели, коих пройдён был не один километр.

– Мы хотим есть.

Абориген глянул на Роберта, как на пустое место. Но грибы из висевшей у бедра сумки протянул обоим.

– Воды нет... Меня... задержали по пути... сюда... Придётся терпеть... Озеро будет... через пару часов...

Это были самые длинные два часа в жизни Роберта и Вики. Гриб, хоть и сочный, вкусный, закончился, как и не начинался, оставив после себя неприятную вязкость.

Вскоре тоннели начали пересекаться, и абориген сообщил, что осталось совсем немного. По бокам то и дело встречались как небольшие ходы дождевиков, так и полноценные перекрёстки, нередко целиком погружённые во тьму.

Нос почуял живительную влагу заранее. Настолько чутким люди делаются только в минуты нужды, когда звериное внутри встаёт вровень с человеческим. И вскоре они действительно вышли к озеру.

Вода была ниже их метра на полтора. Почти квадратный по форме грот насквозь прошивали бурые корни, образовывая своеобразный настил, а в промежутках виднелось безмятежное озеро. Но рукой до воды было не достать.

– Она питьевая... – очень тихим шёпотом сообщил абориген, снимая сумку.

Он отцепил длинный ремень и достал из неё тяжёлую чашку, в которой Вика узнала съёмную ступу для измельчения образцов. В самодельные дырочки вставлялась знакомая всем полиметаллическая нить в четыре слоя, образуя ручку. Абориген прицепил к ней ремень и опустил ступу в воду.

Первой пила Вика. Беловолосый не сводил с неё глаз, она тоже то и дело, жадно глотая, зыркала на него. Рука девушки тряслась...

– Привал... – сообщил абориген, протягивая ступу на ремне Роберту.

Вода была хоть тёплой, но вполне освежающей. Якут старался не выпускать голубое яйцо ни на миг, и потому чуть не выронил ёмкость.

– Тс-с... – поднёс палец к губам абориген. – А вот шуметь... не надо...

Едва отросшие волосы зашевелились от его этого «тс-с». То, с каким выражением он произнёс это, наводило на очень нехорошие мысли.

Набрав две фляжки воды, абориген дал по одной беглецам. Сам пить в дороге, видимо, не собирался. И хотел было уже встать, но его остановила Вика. От её стального «стой» кому угодно сделалось бы не по себе. Абориген же улыбнулся большими тупыми зубами, словно чего-то такого ждал.

– Никуда мы не пойдём, пока ты не ответишь на вопросы.

– Чем дальше мы... стоим на месте... Тем меньше шансов... выбраться живыми... У вас... – тихо проговорил он, но всё же вернулся на место. – Перед тем... как меня убили... что-то всполошило соискателей... в механическом городе... Я никогда не видел... их такими... перепуганными... Поэтому не очень... хорошая идея... тянуть время... Возможно... это как-то связано... с Храмом... Я бы не хотел... опоздать в Храм...

– Кто ты? – проигнорировав тираду, в лоб спросила Вика. Она постоянно обнимала здоровой рукой покалеченную...

Абориген посерьёзnel. На юном лице выступили желваки.

– Моё... моё имя... Андрей... – не сразу ответил он, словно бы имя никак не хотело вспоминаться.

– Кто ты, Андрей?

– Верный присяге солдат... – отмахнулся он точно от назойливой мухи, злобно оскалившись. – Пойми: ты... не уникальна... Ты просто... попала первой...

– Чего конкретно ты от меня... хочешь?

– Только одно... ты поможешь мне... снова войти туда... куда я не могу... войти уже очень долго... После я... помогу вам... добраться до своих...

Вика было раскрыла рот, но допрос прервал громкий чавкающий звук, донёсшийся из пройденного ими коридора. Повисла такая плотная тишина, что, казалось, можно было воткнуть иглу...

– Что это?..

– Заготовки... – увидев искреннее непонимание на лицах космопроходцев, абориген пояснил: – Повторители... Очень опасные существа... для вас... Они – первая причина... по которой соискатели... вернулись на Ясную...

– Первая? Вернулись? – раскрыл рот Роберт.

– Я похож... на экскурсовода?.. – презрительно фыркнул абориген и поднялся, перехватив автомат удобнее. – Останетесь... они вас замучают... У них тяга... к чужой боли...

Роберт крепче сжал тёплый неправильный овал. Им некуда деваться. И абориген знал это. Они встали и последовали за провожатым по толстым бурым корням, сквозь которые виделась вода, больше не сказав ни слова.

Тёмных коридоров становилось всё больше. Раз от раза абориген сворачивал только в те, где светились привычные прожилки. Шли долго. Молчали и постоянно вслушивались. Чавканье, услышанное всего лишь раз, теперь чудилось в каждом эхе, но космопроходцы ориентировались на реакцию провожатого. В девяноста процентов случаев он продолжал путь как ни в чём не бывало. Но иногда чавканье оказывалось не просто игрой воображения...

– Зачем они белотелым? – как можно тише спросил Роберт.

Догадки кружили в большой голове шумным роем, и громче всех среди них была та, допускать которую он очень не хотел.

– Сам как думаешь?..

Роберт сглотнул сухой ком. Увиденное в могильнике не давало ему покоя, но он изо всех сил старался не думать об этом.

О том, что люди могли служить белотелым пищей.

– Я слежу за ними... уже много лет... – заговорил абориген, когда они отошли на приличное расстояние места, где услышали повторителя. – Они вернулись... на Ясную... не так давно... Пока их немного... Сначала была разведка... Теперь – экспедиция... – Он пренебрежительно усмехнулся. – Механический город... спал до них... Сейчас он... пробуждается...

– Он построен не ими?

– Ими в том числе... Но, похоже... прошлыми поколениями... Потому что... они изучают его... Восстанавливают... потерянные технологии...

– Какие технологии могут быть потерянными для такой цивилизации?.. – пробубнил Роберт.

– Придания постоянной... физической формы... заготовкам... Человеческой формы...

Чавканье они услышали настолько неожиданно, что Вика не удержалась и коротко вскрикнула. Абориген смачно выругался и быстро встал прямо по центру коридора, загородив собой беглецов. Развилка перед ним наполнялась чавкающим звуком; космопроходцы вжались друг в друга – они оба прекрасно помнили модули после того, как там похозяйничал один из мимиков.

– Ни... звука...

Повторитель вышел из темноты слева. Роберт вытянулся как в парадном строю, замер и почти не дышал. А когда увидел, кто конкретно оказался напротив аборигена, судорожно сглотнул.

Ганич!

Это был отставной полковник Ганич, их теолог! Он смотрел на беловолосого так, словно тот строил ему рожи: водил головой из стороны в сторону, хмурил густые чёрные брови, будто силясь что-то понять.

– Частицу... – рука аборигена медленно зашла за спину и замерла раскрытой ладонью вверх.

Роберт не решался пошевелиться. Если повторитель принял облик Ганича, значит, теолог мёртв! Как?! Что там у них случилось?..

– Яйцо... Дай... яйцо...

Якут очнулся. Медленно, как во сне, он протянул его аборигену. Тот чуть дрогнул, когда кожи коснулся голубой овал – по ней сразу побежали мелкие трещины. Леонид Львович продолжал качать головой и всматриваться в лицо загородившего проход беловолосого. Абориген так же медленно вернул руку в исходное, Роберт решил, что он сейчас набросится на мимика. И тогда им всем придёт конец. Кроме чёртового бессмертного.

Внезапно повторитель начал меняться. Чуть вытянулся, расширился в плечах, на голове улеглись короткой стрижкой седые волосы, а широкое суровое лицо взглянуло на аборигена хмурым и решительным прищуром. Роберт не мог не узнать полковника Иконникова – он видел его на записях убийства шестерых.

Беловолосый медленно поднял яйцо перед собой, копия Иконникова тут же уставилась на него. Сдвинул его в сторону, как бы проверяя – мимик проследил взглядом. И вдруг бросил во тьму правого коридора.

Вика сжала руку Роберта и зажмурилась, но ничего не произошло. Перед аборигеном больше никого не было – повторитель с невероятной скоростью скрылся вслед за приманкой.

– Ненавижу зеркала... – сплюнул беловолосый. – За мной... быстро!..

Глава 6. Парад двойников

Звук был похож на стон – протяжный и полный боли. Услышав его, космопроходцы насторожились. Стон повторился, и Роман определил, что его источник на той стороне холма, за белой вытянутой «каплей» почти поглощённого песком чужеродного челнока.

Датчики молчали. Держась рядом, чтобы успеть друг другу на помощь в случае провала в песок, космопроходцы общались исключительно жестами. Кое-где молодняк деревьев уже взбирался на холм, а нависающие над ним кроны оставляли зеленоватому небу совсем небольшое окно.

Такого они ещё не встречали. Роман поначалу даже не поверил, увидев примерно то, что легко могло сойти за носорога Ясной. Рылоподобная морда, непонятно зачем венчанная мощным тупым отростком, кожные пластины, издали похожие на броню – вылитый африканский агрессор. Если б не одно но.

У него не было ног.

– Что за?..

Космопроходцы держались на безопасном расстоянии. Судя по нечёткому песчаному следу, существо перемещалось по принципу улитки. И примерно с той же расторопностью. Даже возникло подозрение, что оно тут, на освещённой части небольшой прогалины, с ночи, а лучи местной звезды застали его врасплох.

Ультрафиолет медленно убивал улитконосорога. Жарил заживо, оттого он и стонал. Более нежизнеспособного существа Роман и выдумать не мог! Можно было решить, что это какой-то мутант, аберрация. Ну на кой ему рог, если нет возможности хоть какого-то его применения?! Но что-то подсказывало: это не отклонение. Клещи тоже питались в сущности ядом для себя. Любая их трапеза заканчивалась летально, но это их не останавливало.

С процессами эволюции на Ясной было явно что-то не так...

– Надо добить...

– Карину накличем, – не особо уверенно ответил Роман.

– Скорее он накличет. Предлагаю добить, – Иван выждал, но недолго. – Командир, я не могу на это смотреть!..

Роман всё же дал добро, ведь парню самому выпало побывать в шкуре такого вот улитконосорога...

Раздался выстрел, и существо протяжно и будто бы облегчённо выдохнуло.

Челнок выдавал своё происхождение одним видом. Давно уже не глянцевоый, белый корпус имел форму вытянутой капли, заострённой на одну сторону. И было неясно, насколько он успел уйти в песок за время пребывания здесь.

Он был брошен. Совершенно точно, и это немало обескураживало. Ну не могли же белотелые настолько походить на людей! Это же, так их, инопланетяне! Те самые легендарные соискатели, которым какие только свойства и какие только облики не сватали ленты вирта! Выходило, что правда о них была не в броских домыслах, а в унылом зеркале.

Они дважды обошли челнок, не встретив ни шлюза, ни зондов, вообще ничего, что «портило» бы идеальный корпус. И почти отчаялись, когда Иван вдруг окликнул командира.

Этот парень разглядел бы и подковы на той блохе!..

Кисть торчала наружу лишь кончиками пальцев. Немного раскопав, люди увидели тонкую руку. Это был белотелый. Точнее – белотелая.

Космопроходцы кое-как разгребли ссыпавшийся обратно песок и высвободили её. Пришлось потратить какое-то время, и оказалось, что частично она лежала в раскрытом шлюзе, тоже уже немало заполненном песком.

– Долговязая какая...

Она была абсолютно голой и без каких-либо видимых повреждений. Узоры шрамов по спине и шее едва ли сошли бы за следы увечий. Люди дважды переворачивали труп в надежде разглядеть или пулевое отверстие, или хотя бы прокол в коже, из которого могла бы течь кровь. Выстроившаяся была теория, что белотелые наткнулись на земной спецназ Иконникова, рушилась.

– Простудилась? – хмыкнул Иван.

– Шут её знает.

Роман посветил внутрь подствольным фонарём. ИИ настаивал: заряда батареи хватит ещё как минимум на пару часов умеренной активности и обратную дорогу. Доверять ему не особо-то хотелось, к тому же цели вылазки не достигнуты – можно смело возвращаться. Но оставлять такую находку необследованной было бы просто преступлением. Тем более что белотелые их уже атаковали, и, лучше поняв их, возможно, удастся избежать новых жертв. Или даже, чем чёрт не шутит, наладить какой-никакой контакт.

В том же ключе высказался и Ординатор, процитировав соответствующий параграф Устава, из тех, что применялись впервой.

В челноке было темно. Но только до той поры, пока внутри не оказались люди. Едва они выпрямились в немалый рост «Ос», как темнота вдруг сгинула – светофильтры еле успели подстроиться. Но вокруг не было ничего, что хоть как-то походило бы на лампы. Казалось, светился сам воздух, который вдобавок реагировал на перемещение непрошенных гостей, создавая просматриваемое пространство строго определённого радиуса.

Роман поднял кулак – внимание! Системы приведённого в боевое положение экзотела молчали, не фиксируя ни тепла, ни движения, ни даже звуков. Но после случившегося он полагался больше не на них, а на собственное предчувствие. А оно твердило, что перед ними очередная могила Ясной.

Вторая женщина лежала чуть вглубь. Хватило и беглого взгляда, чтобы понять: она копия первой, найденной в песке. Разве что у этой была разбита голова – по полу вокруг темнела высохшая очень давно кровь.

– Мы с Тamarой ходим парой... – зло усмехнулся Роман.

– Кто-то хорошо приложил... – Иван целился в стену темноты в глубине челнока.

– Да не похоже... Скорее падение. Шла и упала.

Луч фонаря на границе света и тени упирался во что-то незримое. Как ни водил Иван винтовкой, всё без толку – дальше «показанной» им части ничего разглядеть не удавалось.

Роман отдал команду, чтобы Ординатор присвоил их с Иваном ретроспективе восприятия наивысшую степень значимости. Космопроходцы старались оглядеть как можно больше и вертели головами, как забывшие камеры туристы в камбоджийском Ангкор-Вате. Они старались запечатлеть всё, ведь в инопланетном челноке не могло быть «мелочей». Люди попросту не знали, что есть что, оттого вели мнемозапись всего подряд, как и предписывал в таком случае Устав.

Челнок «бодрствовал». Точнее оживал, реагируя на перемещение людей. Стоило сделать шаг, воздух светлел ровно на это же расстояние, будто космопроходцы обладали некой аурой.

– Как думаешь, система безопасности есть?

– Нет, – чересчур уверенно ответил Иван.

Обтекаемость. Если бы Романа попросили охарактеризовать увиденное двумя словами, первым он выбрал бы это. Вторым – симметрия. Всё тут или имело пару, или, будучи в единичном экземпляре, располагалось так, чтобы не нарушать идеальной геометрии. И ни единого угла кругом!

Привычных людям переборок между отсеками тоже не было. Изнутри челнок оказался одним сплошным отсеком.

Моргом.

На границе освещённого пространства, по обе стороны уходящего в темень узкого круглого стола, лежали ещё двое. Это были мужчины, которых смерть застала, судя по всему, за приёмом пищи.

– Кто ж их, а?..

Роман многое бы отдал за ответ. Космопроходцы приблизились, воздух озарился вглубь обширной палубы, чуточку опережая их. Винтовки бдели в чернеющую стену, и, казалось, даже эфир наполнился гулом натянутых нервов.

На столе стоял один-единственный контейнер, а внутри виднелись вроде как металлические, блестящие цилиндры, уложенные полусферой. Чётко по центру не хватало двух штук – даже тут у них всё было геометрически идеально.

Эти двое, как и предыдущие, выглядели идентично. Бугристые рисунки по бледной коже повторяли друг друга до мелочей, лица, хоть и застывшие в разных выражениях, были неразличимы. И опять же: ни малейших следов насильственной смерти.

– Планета братских могил какая-то... Сгоревшие американцы, перебитые учёные и спецназ, теперь эти...

– Что-то мне подсказывает, что наш челнок должен был стать четвёртой могилой. Но не стал... – пробормотал Роман.

Оба белотелых сжимали цилиндры со стола, раскрытые с одного бока. Роман осмотрел их на расстоянии, затем аккуратно взял запечатанный из контейнера. Вышло не сразу – пальцы «Осы» предназначались жать на курок или в крайнем случае на череп противника, но никак не для столь мелкой моторики.

Торец отщёлкнулся легко, и на стол со смачным чвьяком выпали несколько серо-сизых студенистых блямб.

– Консервы, что ли... – подсветил Роман фонарём. – На кошачий корм похоже...

– Вика бы душу за их изучение продала...

– Рената тоже не откажется глянуть, – командир взял другой запечатанный цилиндр и поставил его на краю стола, чтобы уходя не забыть.

Зримо изогнутые стены плавно перетекали в пол и потолок. Пространство вдоль них пустовало, но Роман подозревал, что так было не всегда. Первая возникшая мысль – челнок уже посещали и вынесли всё, что тут было. Впрочем, против этого имелось куда больше аргументов, чем за.

Стол «вырастал» из пола без видимых соединений и стыков. Там, где Роман заподозрил отсутствие мебели, белизна стен была неравномерной, и вырисовывался еле различимый, непонятный контур. Не один даже – дальше по стене прослеживались ещё отпечатки на грани видимости. Как если бы сама стена иногда выдавливала из себя нечто. Роман обернулся – так же обстояли дела и на противоположной стороне.

Это были соискатели, существа с другой планеты, хоть и похожие внешне на людей. А значит, мысль Романа вполне могла оказаться правдой – челнок каким-то образом исторгал из себя «мебель», а за ненужностью втягивал обратно. Подобная технология уже сейчас не самая удивительная из того, чем белотелые обладали.

Судя по внешним размерам челнока, и над ними, и под ними находились палубы поменьше. Космопроходцы продвигались вглубь по разным сторонам длинной «рисины» стола, воздух не отставал, «оживал», больше и больше освещая пространство перед ними.

– Стоять!..

Круг на потолке сразу за столом возник внезапно, будто бы включился, стоило воздуху вокруг высвободиться от странной, непроницаемой темноты. Матовый и почти не видный, полметра в диаметре, контуром он напоминал узоры, что украшали «ружья» белотелых.

– Слишком очевидно для западни, – констатировал Роман. – Но лучше обойдём.

– Фон от него, товарищ майор!.. Ноль целых, тридцать две сотых.

– Принято.

Датчик его собственной «Осы» обиженно молчал.

Прямо по центру из темноты выступила изящная колонна, формой напоминавшая расплывшие песочные часы. Поверхность гладкая, белая, как и везде. Но что-то в ней было не так. Колонна выделялась, явно отличалась от остального челнока, но люди не могли понять, чем именно. Её космопроходцы обогнули с двух сторон.

И уже в следующую секунду замерли.

Их опять было двое. Но эти женщины стояли и даже по меркам соискателей выглядели сухопарыми: скулы над впалыми щеками выступали остро, тонкие узловатые пальцы одной руки погружены по первую фалангу в пьедестал между ними, а свободные ладони, развёрнутые кверху, как если бы они показывали друг другу что-то, делали их похожими на просящих пищу жертв концлагерей. Большие раскосые глаза мумий были чернее самой черноты.

– Мёртвые ведь... – фонарь Ивана рыскал по нагим телам.

– Мертвее мёртвых...

Даже с такого расстояния было ясно, что пьедестал – подобие точки управления ЭВМ челнока, если этот термин вообще применим к технологиям пришельцев.

От чего они погибли? Вирус? Едва ли. Даже если допустить, что микроорганизм с другой планеты сподобился-таки убить существ с чужеродной биохимией, оставалось громадное но. Белотелые умерли одновременно. И отчего-то Роман вдруг вспомнил рассказ Ганича о супероружии Союза. Точнее – человекооружии, армантропе, что уничтожил все четыре энергоблока АЭС Вогтль одновременно.

– Мои датчики несут чушь или сдохли, Ваня. Если что – ты не молчи, лады?

– Есть.

Едва они сделали шаг, как пьедестал ожил, медленно покрываясь теми самыми витиеватыми рунами, что и везде. Дуло калибром четырнадцать с половиной уставилось в высушенное некрасивое лицо одной из белотелых – Роман был готов даже к внезапному воскрешению хозяев гигантской капли.

Но ничего подобного не произошло. Зато когда свечение рун добралось до вершины пьедестала, сначала засветились протянутые навстречу друг другу ладони мертвецов, а спустя миг над ними возникла проекция.

Это были символы. Несколько повторяющихся закорючек. Долбанные «китайские» иероглифы!.. Но почему? Это челнок белотелых, а не вихрей! Как так?..

Погружённые в пьедестал пальцы тоже блёкло светились, словно на каждый надели по гаснущему неоновому колечку. Роман ждал, что его экзотело как-то отзовется на произошедшее, но «Оса», дважды подвергшаяся чужеродному воздействию, вела себя как обычно, сбодили лишь датчики, и только.

Ординатор вёл мнемозапись постоянно, это отзывалось непривычной тяжестью в голове. И он не упустил момент, когда проекция вдруг покорёжилась, и иероглифы ненадолго сменились человеческим образом.

Роман успел неплохо разглядеть женщину, прежде чем её облик истаял: большие, будто бы удивлённые глаза под по-цыгански широкими бровями запомнились ему без всяких мнемозаписей. Он не знал, кто это. Но было ясно одно – она человек, землянка. И её изображение в проекции белотелых сопровождалось закольцованной чередой одних и тех же иероглифов, в которых запросто угадывался знакомый всякому вояке посыл.

Белотелые били тревогу...

* * *

Рената ни на шаг не отходила от Леонида Львовича. Его организм избавлялся от остаточных соединений снотворного лучше некоторых юнцов! Метаболизм уже немолодого человека оказался чересчур быстрым, и Рената трижды похвалила себя за прозорливость: Роману она дала тридцать часов, выкroив немалый запас.

Была надежда, что разведчики вернутся вовремя. С другой стороны, для себя она сразу решила, что в случае задержки командира проведёт погружение самостоятельно. Ждать у иллюминатора, вздыхая, Рената и не думала.

Милош удивляла. Теперь она спокойно сидела на полу медизолятора и разглядывала серо-жёлтую кашу питательной смеси на полу. Несколько минут назад она даже позволила себя перевязать, накормить и напоить.

Но полчаса назад это была не Милош. Рената готова была поклясться, что внутри бедолаги засел кто-то иной, как бы это ни звучало. Рената рассказала про иероглиф на стеклопластике Бурову с Трипольским, когда те помогали ей кормёжкой. И последний немало удивился, увидев его примерное изображение – Рената кое-как, но начертила его.

Оказалось, нечто подобное видел и Роман. Там, в скалах. И что переводиться он просьбой. Или даже мольбой – «пощади»!.. С той лишь разницей, что командир видел несколько иероглифов, а Рената один. Романа почему-то просили пощадить какое-то дитя.

Буров молча играл желваками. Видно было, что вся эта история ему поперёк горла, ведь мистикой от неё несло за версту. Но стоило отдать должное: за время, проведённое на Ясной, Истукан перестал реагировать на подобные вещи радикально.

Трипольского и вовсе как будто подменили. Вместо тысячи тысяч предположений что бы это могло быть, он ограничился лаконичным ответом, точно по сути – ни словом больше, ни словом меньше. И тут же был таков.

Рената легла на кушетку напротив той, на которой умер Александр Александрович. Мысли её вертелись, наскокивая друг на друга, но взгляд оставался на одном месте. На пустующей кушетке.

Как доктор Кислых могла дотянуться до отчаявшегося Саныча? Разве она способна на такое? Страшно подумать, что подобное осуществимо...

Нет, это не Валентина Богдановна. Во-первых, способ, которым вносили Ординатора первым подопытным, был так сказать... грубым. Он не предполагал и половины тех способностей, которыми обладали нынешние психосерверы.

Во-вторых, жест, что часто изображала Милош – она ведь и тогда выстроила пальцами литеру «V»... или же, если участь большой палец, какой-то непонятный трезуб. Да, скорее второе... Судя по всему, в тот момент на неё влиял кто-то посторонний. Вихрь, например... Ведь Роман говорил, что умирающее существо внутри его экзотела сигнализировало ему кистью. И, судя по описанию, – ретроспектива отчего-то не сохранилась! – жесты были схожи...

Рената поёжилась, глянула на повреждённую. Но ту интересовала лишь каша и пределы её размазывания по мягкому полу. Тогда она выдохнула и закрыла глаза. Погружение состоится так или иначе – Рената не особо верила во внезапный успех предприятия командира. Поэтому поспать было бы не лишним. Но, едва задремав, вдруг вскочила и опять уставилась на Милош. Повреждённая сидела там же и делала ровно то же – ничего не поменялось.

Монитор реаниматора показывал неутешительные цифры. С таким метаболизмом Ганич никогда бы не стал наркоманом. Наверное, поэтому он выбрал себе другой наркотик...

Мысли скакали вразброс, подстёгиваемые постоянной тревогой. Рената выдохнула, послала всё к чёрту и легла. Нужно отдохнуть.

Усталость обняла нежно, тёплой шалью по плечам. Она не заметила, как уснула. Зато спустя какое-то время вдруг чётко поняла, что больше не спит. Полежала чуть-чуть, воображая, что, открыв глаза, увидит белый потолок своей квартиры в Бердске. Вздохнула тяжело и поднялась.

Операционная. Белизна стен, стойкий запах кварца и хлорного раствора. Извечный строгий порядок инструментов на наспех прибранном столе, брошенный в ведро халат доктора, перепачканный во время ампутации гноем и кровью, ещё не убрали. И пустой операционный стол с любопытно нависающей многоглазой светодиодной лампой, у которой прямо во время напряжённой работы полчаса назад вдруг треснула одна секция.

Она помнила эту операцию, и всю жизнь она считала треснувший осветитель дурным знаком. Ведь после неё... После неё Рената проводила Кирилла обратно на фронт.

Она не проснулась!.. Но всё было настолько реально, что голова шла кругом. Рената чувствовала частое сердцебиение, сухость воздуха, ощущала кушетку под собой, на которой уснула тогда, после операции.

Ужас и сумасшедшая надежда оплели разум и разорвали его надвое. Качаясь, Рената встала и опёрлась на операционный стол. Не может быть... Это всё не реально... Это всё неправда!..

Но холод стола под пальцами говорил об обратном. Рената глянула на руки, судорожно сглотнула. Смуглая упругая кожа, ещё не претерпевшая ни одного изменения после «прыжка». Молодая кожа.

– Ренатушка, милая, к тебе тут кавалер... – высокий, с хрипотцой курильщика голос запомнился ей на всю оставшуюся жизнь, хоть его обладатель и умер вскоре от рака, тогда ещё не имевшего литерной приставки.

Рената обернулась к двойным пластиковым дверям с мутным витражом, пропускавшим лишь свет, и увидела широкий силуэт. И, не веря в происходящее, замерла. Она помнила всё, что Кирилл скажет ей сейчас о долге, о боевом братстве, о том, что не может остаться, но непременно вернётся. И переживать всё заново ей хотелось меньше всего на свете...

Ординатор... Выйти...

Но руки сами толкнули створчатые двери – увидеть, хотя бы просто увидеть его! Из высокого коридорного окна напротив в глаза ударил яркий свет – мартовский снег, ещё не почерневший, множил льющиеся на землю лучи.

Он стоял в центре коридора с букетиком хрупких подснежников. Дыхание прервалось. Когда-то она очень любила их, цветы обновлённой природы. Как раз до этого момента.

– Вообще, сюда нельзя, молодой человек!.. – хитро сощурился доктор, затянулся и выпустил дым в приоткрытое окно. – Как вы прошли?

– Там, где чёрт ломает ногу, – ВДВ найдёт дорогу, отец!.. – залихватски ответил Кирилл и, улыбаясь одними губами, шагнул к Ренате.

Позабыв себя, женщина – девушка! – ткнулась в широкую грудь, схватила его за отвороты кителя, вжалась, замерла... Его запах ударил в нос, и ноги едва не подкосились. Утром. Ещё утром она чувствовала его. Вдыхала, жила им, строя в голове несбыточные планы на мирное, послевоенное счастье.

Утром прошлой жизни...

– Я решил, Решка... – могучий голос слышался ещё мощнее, увереннее; по смуглому лицу хлынули слёзы.

Рената вжалась в него сильнее, выросла, ногти болезненно впились в грубую синтетическую ткань только накануне разглаженного ею кителя. Она помнила, что Кирилл скажет сейчас. Каждое слово помнила всю жизнь после – жизнь одинокую, серую, холодную. Она не убеждала его тогда, а покорно приняла выбор.

– Я написал рапорт. Меня комиссуют.

Какая-то неестественная, пустая тишина повисла в коридоре госпиталя. Казалось, такого от Кирилла не ожидали даже птицы за окном, даже доктор, ими любующийся, вдруг замер в недоумении. И неудивительно. Ведь когда-то он сказал обратное...

– Ранение серьёзное, проблем не должно быть, – продолжал он, а Ренате становилось необъяснимо холодно. – Ты ведь этого хочешь, Реш?

Женщина потерянно отпрянула. Смятённая, она не могла вымолвить ни слова. Он оставался. С ней. Ради неё. Живой.

Но радости не было. Ни на секунду не потеплело, наоборот – из глубин женской души необратимо нарастал острыми глыбами лёд безразличия. Рената отшагнула ещё. Осмотрела Кирилла с ног до головы. И не поверила.

В образе её мужчины, единственного за всю жизнь, был совершенно незнакомый человек. Чужой. Неродной. Подснежники хрустнули в тонких, молодых пальцах, и невесомо упали на выщербленный плиточный пол.

– Ты бы так не поступил, – горько прошептала Рената и вздохнула, как бы признаваясь сама себе: – И я никогда не поступлю так – не оставлю друзей...

«Ординатор» – и бесполой голос рванул её прочь.

Глава 7. Клубок противоречий

Он был в замешательстве. Не сказать, что полно, но всё же. Вопрос Бурова не застал Трипольского врасплох, нет. Фарадей много над этим размышлял, попутно подвергая сомнению собственную теорию относительно Макленнора, а последние несколько часов – и того больше. Но всё же когда вопрос прозвучал, немного растерялся.

– Ну? Предположения будут?

Буров, казалось, нависал прямо над ним тем самым каменным истуканом древности: тёсанные черты неподвижного лица, брови, надвинутые на разбитую глубокой дельтой переносицу. На деле же он стоял в нескольких шагах, у стеллажа с инструментами.

Трипольский глядел на распластанное неживое тело посреди лаборатории, словно Бёрд вот-вот приподнимет голову и заговорщически так: «Псс! подойди ближе, подскажу!...»

– Я не знаю...

Трипольский и вправду не знал, что мешало Бёрду покинуть Ясную ещё до их прибытия. Раз он беспрепятственно попал на челнок тридцать третьей экспедиции, мог ведь вызвать транспорт с «Кондора» и до пробуждения её членов. Но не вызвал. А лёг в капсулу и на несколько недель притворился человеком. Почему?

– Ему зачем-то были нужны мы... Люди...

– Вот, – не оборачиваясь, поднял вверх палец Буров. – Люди-человеки. Это важно, Алексей Сергеевич. Очень. Нужно понять зачем. Вызвать транспорт он мог и без нас, ясно же. «Герольд» второго поколения был к его услугам.

– Или... – неуверенно добавил Трипольский. – Ему нужен был транспорт именно с этого «Герольда». Например, с транспортом «Кондора» что-то случилось...

– Как на Церере?

– Да, как на Церере-3 – сбой ЭВМ, неверная траектория, крушение. А если так, то...

– То всё встаёт на места, Алексей Сергеевич. Кодов доступа к орбитальному транспорту нашего грузовика у него не было. Затем мы ему и понадобились. У нас в головах те коды, – Буров постучал по шлему, – в Ординаторе. Для того он тебя и подталкивал реанимировать второй ЭВМ. Сам не мог ничего сделать. Всё сходится. Хм...

Буров задумался.

Вопросов не возникало разве что с самой целью его рвения на орбиту. Бёрд стремился вернуться, точнее попасть на Землю. Макленнор жаждал послать своё детище обратно на родину, а иного пути, кроме как транспортировка непосредственно на космическом грузовике, не существовало.

Бёрд не мог лечь в работающую капсулу квантового приёмника и «прыгнуть» на Землю. Да, теоретически это возможно. Едва ли тело Бёрда намного проще человеческого или иного позвоночного. Проблема заключалась даже не в самом феномене Антонова, и Макленнор, где бы он ни был, понимал это. Дело было, скорее, в том, что не существовало никаких гарантий удачного «прыжка». То есть тело Бёрда почти наверняка материализовалось бы в точке Б, а вот разум... Видимо, Макленнор не хотел рисковать – уж полёт на борту «Герольда»-то синтетик перенёс бы наверняка.

Теперь многое объяснялось. Смятая трубка охладителя одного из квантовых приёмников – дело рук Бёрда. Зачем он это сделал сказать сложно, но это почти наверняка был он. Так и оставшееся без ответа обесточивание переборки арсенала с центрального пульта, что в генераторной челнока – тоже. А вентиль-затвор основного внешнего шлюза, который Иванов и Роман впервые обнаружили запертым изнутри, вручную, наверное, должен был перенять на себя часть внимания.

Буров повернулся, держа перед собой фрезу, – первое, что он приготовил. Но, вместо того чтобы положить её у изголовья на подвижный инструментарий, замер, вперившись в Фарадея тёмными, немигающими глазами.

– Это всё понятно. Но почему Макленнор просто не вышел с нами на связь?

Трипольский забыл, что делал. И было начал даже искать ответ, оправдание, но спохватился – он-то тут при чем?!

– Я не знаю... – промямлил он.

– Странно, – хмыкнул Буров и водрузил-таки фрезу в отведённый паз инструментария на колёсиках. – Ты знаешь по именам его внуков и даже их увлечения. Вычислил им созданную пластмасску. А мотивов его самого понять не можешь. Или говорить не хочешь?

– Я не знаю, – уверенней повторил Трипольский.

Он снова врал, но, как и в прошлый раз – наполовину. Почему Алан Макленнор, находясь на Ясной, не выходил с ними на связь, а вместо этого играл в кукловода, он, понятное дело, наверняка знать не мог. Но его личная теория, о которой Трипольский так и не сказал никому, та самая, что родилась после просмотра секретных чертежей из оксфордского особняка, давала вполне ясные зацепки и догадки. И логику поведения отчаянного учёного, особенно после произошедшего с Бёрдом, в целом объясняла.

– Не может же он жить тут в одиночку, – медленно, негромко, и даже почти ласково, словно надеясь на что-то вывести собеседника, проговорил Буров. – Он бы не выжил. Точно.

– Ну, он умеет... – Трипольский подобрал слово, – изворачиваться в самых непростых ситуациях. Мистер Макленнор обвёл вокруг пальца не только совет директоров, но и разведку Союза, а заодно и Альянса. Он почти создал совершенный компьютер, и об этом никто не знал, пока он сам того не захотел.

Буров как-то странно зыркнул. Трипольский мигом прокрутил сказанное в голове. Нет, вроде ничего лишнего. Бурова пока не стоит посвящать. А может, и вообще не стоит, ведь именно он выстрелил первым...

Майкл был неразрывно связан с создателем, и нередко они действовали сообща. Как, например, в момент атаки белотелых. Не приди космопроходцам на выручку Макленнор, всё закончилось бы плачевно. Спасал в сущности не их, а Бёрда, но это уже неважно.

Сюда же можно было отнести и то, каким образом проник Макленнор на челнок. Бёрд тогда расстелил целую скатерть оправданий и умелых отговорок, которым позавидовал бы каждый второй политик и третий актёр. Но теперь становилось ясно, что он специально не провернул вентиль-затвор, чтобы Макленнор мог войти и выдрать коммуникационный блок из центрального пульта.

Трипольский и Буров готовились к осмотру настолько тщательно, насколько это возможно. Они не знали, что их ожидает, и не чурались дополнительных мер предосторожности: под жёлтым карантинным спецкостюмом руки защищали ещё и длинные неудобные перчатки для работ с высокими токами. В конце концов, это андроид.

– А следы ног у генератора? – двухметровый бородатый Шерлок не упускал ни одной детали. – Если внутри Фрэнки живой человек, зачем ему...

– И это мог быть он, – перебил Трипольский не глядя и махнул на притянутое ремнями тело. – Мы пока не знаем, каким образом происходила энергетическая подпитка его кхм... жизнедеятельности. Вряд ли за счёт стряпни Ренаты Дамировны, та, скорее, была чернилами.

– Чем?

– Чернилами. Некоторые морские беспозвоночные прыскают чернилами, чтобы отвлечь потенциального агрессора, – пояснил Фарадей. – Вполне возможно, он использовал «Осу» для подпитки. Почему нет?

– Но почему стоя у генератора? Почему не через задуманный для этого энергопорт?

Спустя несколько минут они нависли над холодным телом. Наперво, Трипольский собрал в колбу голубую жидкость, вытекавшую из множества огнестрельных ран. Само её наличие уже порождало десятки вопросов, ведь было ясно, что это не охладитель. Любое вещество, используемое в этих целях, будь то азот или, ещё лучше, гелий, испарились бы в мгновение ока, едва попав на кожный покров. Да и Бёрд был тёплым, как человек. Рукопожатие выдало бы его сразу.

Камеры на шлемах Бурова и Трипольского включились как только они приблизились к телу псевдоамериканца. На всякий случай Буров скомандовал Ординатору, чтобы тот был готов делать серии мнемокадров по мысленному сигналу. Мало ли что может случиться с техникой при осмотре «человека» Макленнора...

УЗИ подтвердило, что поток протонов угодил в левую часть грудной клетки. Трипольский аккуратно надавил пинцетом в эту область, и кожа расплзлась трухой. Поруженные молекулярные связи ещё держатся какое-то время, но хоть сколько-нибудь серьёзного стороннего воздействия не выносят. Первые испытания протонов проводились на титане, и даже этот металл после атаки нового человеческого оружия становился настолько хрупким, что пяти-миллиметровую пластину пополам ломала лаборантка.

Трипольский прямо видел перед собой, как могли бы быть устроены суставы «человека». Сам бы он непременно прибёг к старой как мир гидравлике, только иного принципа, замкнутую на систему вен, что в человеческом теле выполняла кровеносную функцию. Он ждал, что внутри брюшной полости будет нечто невообразимое, удивительное по простоте и функциональности, достойное гения Алана Макленнора. А о содержимом грудной клетки он даже думать себе не позволял...

Воздушные замки начали рушиться ещё при беглом осмотре кожных покровов – эпидермис имел поры. А полный осмотр и вовсе выявил абсолютное внешнее повторение: даже пупок был, равно как и гениталии. Мистер Макленнор зачем-то копировал такие детали человеческого тела, и это немало обескураживало. Зачем идеальному андроиду половой член? Зачем пупок, он ведь никогда не питался в утробе матери? Разве что это всё мимикрия в целях безопасности...

Но вскоре под недоумёнными взглядами предстали внутренние органы. От человеческих их отличал разве что сталисто-сизый цвет, который придавала им голубая кровь. Никаких агрегатов, узлов и микросхем. Никакой тонкой машинерии. Банально, склизко и зловонно. Это был человек с иной биохимией, не идеальный робот.

По убеждённости Трипольского прошла трещина – Макленнор попросту не мог создать *это*. Фарадей, кажется, даже слышал этот треск. Как же так?! Мистер Макленнор никогда глупо не интересовался бионикой! Никогда не пытался даже в очевидных вещах подражать природе, а тут такое... Мало того что его дитя выглядело человеком, оно в сущности им являлось! Да и с помощью чего он создал бы его тут, на Ясной?!

Ложная мысль командира, что «человек»-то вовсе не Макленнора, оказалась пророческой... Холодный пот потёк по спине, действия Трипольского становились дёргаными, руки тряслись всё сильнее, будто вступив в резонанс со звоном спутанных мыслей.

Нет, этого быть не может. Немало фактов, прямых и косвенных, говорили, что Бёрд создан именно хитрым британским учёным, никем иным. Нужно просто успокоиться, дышать глубже, чтобы ничего не повредить по неосторожности. Ему, Алексею Трипольскому, ведь ещё работать с этим телом на Земле. Если, конечно, мистер Макленнор не заинтересует его чем-то куда более важным здесь...

Озвучив в голове последнюю мысль, Трипольский покосился на Бурова, словно тот мог каким-то образом расслышать.

Истукан недоумевал, и, судя по виду, почище его самого. Он наверняка задавался этим же вопросом: как с помощью каких инструментов и технологий создал Бёрда Макленнор? Сотво-

рительное подобие человеческого организма – это ж не овечку клонировать! Но Бурову всё же было проще. Он был уверен, что учёный «прыгнул» сюда в составе американской экспедиции, а значит, оборудование теоретически имел. В представлении Трипольского же всё было совсем не так...

– Вызовем транспорт, – прогудел Буров, не глядя. – Белотелых, их оружие, этого пере-человека – всё нужно по контейнерам, и в Новосибирск. Забавно, но господин Бёрд добился-таки своего: на Землю он всё же попадёт... Правда, по частям.

– Нужен формалин... – растеряно пробормотал Фарадей, и не предполагавший, что произнесёт эту фразу. – Органы надо вынуть.

Едва Трипольский прикоснулся к грудной клетке, как ткани тела в повреждённом протозоальной участке начали рушиться. На Земле был шанс извлечь пользу от поражённых тканей, частично их восстановив. В некоторых лабораториях имелись габаритные прототипы, вроде бы даже успешно испытанные – где-то в Бонне, при университете, говорят, удачно возвратили крепость кристаллической решётке алмаза...

Когда дело дошло до головы, они переглянулись – напряжение и растерянность читались на лицах обоих. Фреза пошла медленно с самого начала. А когда на трети пути понадобилось заменить насадку, стало ясно, что кость у «человека» несравнимо крепче настоящей человеческой.

Трипольскому то и дело казалось, что Майкл вот-вот раскроет глаза и уставится на него ненавидяще и с укором. Особенно после всего, что они увидели внутри него.

Когда он отнял фрезу и отступил, а получившаяся «крышка» черепа отпала, Буров громко и нескладно выругался.

– Я был прав... я не ошибся! Не ошибся! – От дикой радости стеклопластик шлема Трипольского забрызгало слюной. – Это он! Он, чёрт меня подери!

Фарадей указывал в сине-фиолетовый мозг, напоминавший человеческий разве что формой. Полупрозрачная вытянутая полусфера позволяла видеть множество всполохов по тысячам замкнутых, на первый взгляд хаотично расположенных колец, образованных тонкими – не толще волоса – двойными контурами, закрученными спиралью.

Именно его видел на чертежах Трипольский! Это был тот самый квантовый мозг! Идеальное вместилище для идеального же, а не опосредованного искусственного интеллекта! И он жил! Всё ещё функционировал, несмотря на гибель носителя! Фарадей не был бы сам собой, если бы тут же не бросился разглядывать находку на предмет подводов охлаждения и питания. Для удобства он упал на колени прямо у изголовья стола.

– Это он? Мозг с чертежей?

Тяжёлый бас Булова с трудом пробился в ликующий разум. Истукану пришлось повторить, чтобы добиться хоть какой-то реакции. Тот кивнул поначалу, но потом понял, что из-за объёмистого шлема Буров этого не увидел.

– Да...

Это значило, что его теория верна. К чёрту сомнения – верна! Да, тело Бёрда оказалось и близко не таким, каким изначально представлялось, но никто бы не поместил ему в черепную коробку квантовое чудо, устройство которого даже он, Алексей Трипольский, не понимал до конца! Алан Макленнор действительно здесь, на Ясной! И вернее всего, в том виде, в каком ещё не был ни один человек до него! Майкл одним своим существованием это доказывал!

Если на всё вскрытие ушёл почти час, то на одну только подготовку к выемке мозга потребовалось не меньше двух. Нельзя было просто взять да и отделить его, как ту печень. Хотя бы потому, что...

– Как он охлаждается? – склонился Буров.

В оксфордских чертежах всё – поэзия. Структура квантового мозга была гениальна, несомненно, но говорить, что она же была и проста, не приходилось. Хотя бы потому, что даже он,

Алексей Трипольский, не смог разобраться в двух важнейших моментах, а именно – как и за счёт чего происходило питание мозга и его охлаждение. Наличие этих двух «дыр», вероятно, и спасло работу Макленнора от узкой огласки и применения в каких-нибудь не особо талантливых проектах.

Судя по чертежам, питание и охлаждение мозга были суть одним. Это чушь наивысшей пробы, и, будь их автором кто другой, Трипольский без раздумий оставил бы их изучение, разочаровавшись раз и навсегда. Как, наверное, и поступили все его малочисленные предшественники. Но Фарадей, пусть нехотя и с опаской, всё же допускал существование некоего вещества, которое могло бы служить мозгу и охладителем, и источником энергии одновременно. Просто потому, что это допускал Алан Макленнор.

Никаких подводок к мозгу, кроме хрящевых фиксаторов и интересного костного нароста в месте соединения с позвоночником, который они назвали мостом, не нашлось. Сложилось впечатление, что он, тот самый мост, служил как бы... быстроразъёмом, что ли.

Оказалось, что голубая жидкость, заменявшая кровь, не касалась мозга никаким боком. Если и ел он для восполнения энергии, то мозг точно не участвовал в этой цепи и питался чем-то иным...

Систему охлаждения они тоже не нашли. И это озадачивало больше всего. Кубиты просто обязаны охлаждаться! Иначе никак! Притом температура охлаждения близилась к абсолютному нулю – только в таких условиях свои равные вычислительные единицы делали то, что он них требовалось.

Поиски изматывали, а напряжение зашкаливало. Шутка ли: перед ними был работающий экземпляр квантового мозга! Тут расторопность прямой враг, не иначе. Вскоре Буров и Трипольский решили на время оставить лабораторию, чтобы передохнуть, подумать и, возможно, провести кое-какие расчёты на ЭВМ.

Исполнив карантинные предписания и сняв комбинезоны, они устроились прямо в коридоре на принесённых заранее из кают-компании табуретах. Диалог их, отрывистый и краткий, как азбука Морзе, нарушал тишину с периодичностью – раз от раза они возвращались к одной и той же мысли, что предмет их поисков кроется в позвоночнике.

Отправной точкой Трипольский небезосновательно избрал первый мозг. Тот, что должен находиться в голове – или груди? – «Фрэнки». Они совершенно точно были идентичны, а значит, сравнение их обладателей, пусть и удалённое, мысленное и весьма примерное, могло дать какие-никакие, а наводки, указать ход дальнейшей мысли.

Если такой же мозг имела «Оса» Макленнора, то питание за счёт поглощения пищи исключалось окончательно и бесповоротно. И первым, что шло на ум взамен, был принцип аккумуляторов протонных излучателей и тех же боевых экзотел. Но и он был применим только в случае с «Осой» – тело Бёрда-то, чтоб его, оказалось биологическим!

Фарадей не заметил, как мысленная колея увела его вбок. Спустя минуту он усиленно искал ответ на вопрос – зачем Макленнор вообще отправился на Ясную? Для чего ему потребовалось устраивать собственную смерть, рискуя решительно всем? Ведь прецедентов до его дерзкого опыта не существовало. Было ясно одно: оба мозга прибыли на Ясную с Земли. Гениальный учёный создал их и первым шагнул в неизведанное, чтобы зачем-то оказаться здесь...

Зачем?

Взгляд остановился на переборке в лабораторию. И Трипольский почти подскочил от посетившей его догадки. Макленнор отправился сюда потому, что только тут он сумел наполнить второй квантовый мозг! Сотворить искусственный интеллект, пусть и заимствующий чужие воспоминания! Выходило, в отличие от Земли, на Ясной имелись для этого необходимые условия...

Эта мысль не очень понравилась Трипольскому. Какие такие условия? Инопланетный компьютер или какой-то другой артефакт чужой цивилизации? Но сквозь рациональные соображения в голову настойчиво лезли воспоминания о мимике и Пустом.

– Его же нет там? – вдруг спросил Буров.

– Кого? Где? – вздрогнул, растерявшись, Трипольский.

– Макленнора. Его нет внутри Фрэнки.

– Я... то есть... это всё...

– Я никогда не ошибаюсь, – отрезал гигант, и Фарадей проглотил язык. – И говорю тебе: внутри «Осы», что меня помяла, нет человека. Ты мне нравишься, Алексей Сергеевич, – Буров тяжело вздохнул. – Но игра, которую ты ведёшь с самого начала экспедиции, затянулась. И мне грустно, что ты этого не понимаешь.

Что-то в тоне Бунова заставило Трипольского похолодеть и вспотеть одновременно. Всего пару секунд потребовалось ему, чтобы размыслить и принять решение.

– У меня есть теория... – выдавил он через силу, словно расставался с чем-то несказанно дорогим.

Буров внимательно слушал. Он стал похожим на самого себя за минуту до расстрела Бёрда. Фарадей кожей чувствовал: решение смолчать и попытаться выпутаться может стоить ему многого. Если не всего...

– Мистер Макленнор создал оба эти мозга на Земле, – прочистив горло, негромко заговорил Трипольский. – Как – я не знаю. Всё, что я сказал про их устройство, о провалах в системах охлаждения и питания – правда. Я понятия не имею, как они работают! Но... – вытянутое лицо бледнело. – Но я точно знаю, что их потенциала с лихвой хватит, чтобы вместить человеческий разум.

– Хм... Врал значит... Не нравится мне, куда ты клонишь...

– У меня есть теория... – повторил как заклинание Трипольский и с тяжёлым выдохом опустил лицо в трясущиеся ладони. – Заключается она в том, что Алан Макленнор потерпел фиаско, пытаясь наполнить квантовый мозг искусственным разумом. Да-да, у него ничего не вышло! «Человека» никогда не было, даже в облике «Осы»! Он попросту не ожил... Я порой и сам путаюсь уже – во что я верю, а во что нет...

Буров продолжал молчать. Трипольский поднял лицо и посмотрел ему в глаза.

– Но мистер Макленнор не сдался. Когда Альянс свернул шоу про «человека», его «разоблачили» не сразу. Уж не знаю, что послужило причиной такой нелюбви со стороны сильных на той половине... Они попытались выжать из него всё, что только можно, и знали, где нажать, чтобы он не ответил отказом. Помнишь, я говорил о программе, в которой участвовал его сын, где проводились опыты над людьми с болезнью Альцгеймера с участием психосерверов? Программа называлась «Ноосфера» и изначально у неё была вполне конкретная цель. Перенос человеческого разума в искусственный носитель. И во главе лаборатории на тот момент, как и в кресле одного из директоров, находился сам мистер Макленнор. Вынужден был находиться.

Буров не шелохнулся. Ни единый мускул не дрогнул на бородатом, хмуром лице. Одни лишь глаза – тёмные, блестящие – говорили, что он удивлён и заинтересован. Трипольский продолжал:

– Я знаю всё это только потому, что заставил своего отца пойти мне навстречу. Устроить практику в Оксфорде ему было просто и даже приятно – я бельмо в его глазу. А вот добыть мне допуск к чертежам... Но не сделать этого он не мог. Я постарался, чтобы старался он. Программа к тому моменту была уже свёрнута, сам мистер Макленнор официально мёртв. Думаю, только поэтому у меня всё и получилось.

– Я правильно понял тебя, Алексей Сергеевич? – неторопливо уточнил Истукан. – Ты полагаешь, что Алан Макленнор сумел перенести собственный разум в такой же мозг, предвзвешенно запихнув его в боевой комплекс Альянса?

– Да, – пожал острыми плечами Фарадей. – Когда стало ясно, что программа направлена не на борьбу с нарастающей угрозой со стороны болезни Альцгеймера, он воспользовался плодами разработок.

– Даже если допустить сам... м-м... факт удачного переноса... – сказать, что Буров воспринял всё скептически – не сказать ничего. – А как, по-твоему, он оказался на «Кондоре»? Не думаешь же ты, что Альянс, АНБ, или что там курировало этот проект, так вот запросто обманулись? Раз они были на противоположных сторонах баррикад, Алексей Сергеевич... Не думал ли ты, что он никого не обманул, а действовал ровно так, как было задумано? Что его вели?

Тирольскому вдруг стало тяжело говорить. Он понял, осознал, увидел – Буров терпит. Душит внутри себя желание если не высмеять, то разгромить всю его теорию. Разнести в пух и прах.

Трипольский потух.

Он ничего не ответил Бурову, понуро опустив голову. Как тогда, когда в присутствии Ганича обвинил Бёрда в синтетическом происхождении. Говорить больше не хотелось. Убеждать – тем более.

– Если тебя что и сгубит, то это будет слепая вера в гений Алана Макленнора, которая питается твоей же самоуверенностью, – закончил разговор Буров. – Запомни это.

Что-то лопнуло внутри. Фарадей встал, почти ничего перед собой не видя. Буркнул что-то про расчёты, про моделирование, ещё какую-то несурязицу, и пошёл во второй командный. В этот момент он даже не боялся остаться один. Компания Пустого виделась ему значительно более приятной, чем общество ничего вроде бы не сказавшего Бурова. Для завершения работ с телом Бёрда ему элементарно нужно было привести в порядок мысли, а значит – оказаться подальше от Истукана.

Только попробовав набрать комбинацию на интерпанели, Трипольский понял насколько у него трясутся руки. Ничего... Он им всем докажет. Все увидят, что и он не ошибается!

Конвертационная программа, его верный помощник, вела себя странно – настойчиво требовала внимания. Он не глядя запустил её, пробежал глазами по сообщению. И раскрыл рот.

ЭВМ зафиксировал два радиосигнала, один из которых программа почему-то самовольно конвертировала в текст. Трипольский, не веря глазам, три раза подряд прочёл его. Улыбка растягивалась всё шире, а острый подбородок возвышался. Да по-другому же и быть не могло!.. Он верил, что если кто и оценит его, то это будет мистер Макленнор!

Набрав текстовый ответ, Трипольский откинулся в кресле и напрочь забыл обо всём.

Его приглашали.

И он, естественно, принял приглашение.

Глава 8. На пороге

Почему белотелые оставили эти тоннели, стало ясно уже вскоре.

– Тут они тоже не стреляют? – Роберт склонился над длинным антропоморфным коконом. Вика замерла над его плечом, поглядела недолго на труп и отвернулась – глаза покалёченной девушки сверкнули ненавистью.

– Стреляют... Заготовки к ним... лояльны... Но Смерть – нет...

– Смерть? – уставился на аборигена Роберт.

– Тварь... Сколопендра... – пояснил он. Возможно, Роберту показалось, но голос их провожатого дрогнул. – Лучше быть мясом... в стеклянной колбе... чем попасть под... укусы Смерти... Она не всегда... убивает сразу ядом... Иногда ест... живьём...

Быть может, в иных условиях его слова и казались бы дикими, безумными даже, но только не в полумраке жарких пещер, где каждый шорох мог принадлежать меняющей облик гибели. Космопроходцы свыклись даже с тем, что идущий рядом жилистый юнец – вовсе не юнец, а бессмертный член прошлых экспедиций с Земли. И чтобы догадаться, какой конкретно, особого труда не требовалось.

– Они искали... вход в Храм... – абориген на ходу бесцеремонно дёрнул Роберта за руку, чтобы тот следовал за ним. – Механический город... лишь надстройка... Многоуровневая оболочка... Из него множество... ходов в Храм... Но они и сами... теперь плутают...

Роберт не расслаблялся ни на миг. Он не верил провожатому. Каждую секунду ждал подлости, коварного броска, хоть и понимал, что удобный момент выпадал уже не раз, но абориген им не пользовался. С другой стороны, сделай он что с Робертом, Вику пришлось бы тащить. А это ему незачем.

Впервые в жизни Роберту было так тяжело. Не физически даже, а морально. Всякий раз, когда в поле зрения попадала баюкающая культу Виктория, его душила беззубая злость. Выворачивало наизнанку при одной только мысли, что вся их надежда – призрачное предчувствие неперенной встречи со своими – медленно, но верно рушится.

Ганич мёртв. Иначе не могло быть, ведь они своими глазами видели, как повторитель натянул на себя его облик. В живых людей они не превращаются. А значит, что-то стряслось. Значит, у основной группы дела идут совсем не гладко, и вполне возможно, им не до поисков пропавших...

Они всё спускались, а тоннель, порой совсем непроглядно-чёрный, теперь постоянно поворачивал влево. Судя по стенам, это был некий технический ход, старый, даже очень. Исходя из наклона и мизерного угла поворота, Роберт мысленно представил размеры того, что они обходили по нисходящей спирали. Это наверняка был тот самый механический город. И он был огромным.

Абориген остановился внезапно, будто бы услышав мысленные мольбы космопроходцев о привале.

– Отдохнём... Заодно... вот... – Он протянул каждому по паре грибов. – Ешьте...

Роберт запихнул сочный, чуть вязкий гриб в рот целиком – есть хотелось очень. Но, опомнившись, хорошенько пережевал. Привкус стали был неприятным сюрпризом.

– Они портятся?..

Абориген нехотя покачал головой, но глаз не открыл. Прислонившись затылком к стенке, он, казалось, хотел подремать.

Сам беловолосый не ел вообще. С их первой встречи космопроходцы ни разу не видели, чтобы он хоть что-то положил в рот. Ещё этот привкус... Второй гриб Роберт убрал за пазуху, украдкой глянул на пищу Вики. Вроде такой же...

– Откуда ты пришёл?..

Якут заозирался. Глупо, но он не понял даже, что абориген обращается к нему. А когда понял, ляпнул невпопад:

– В Верхоянске родился.

– Когда ты набросился... на меня... Откуда ты вылез?.. – Роберт очень хотел, чтобы тот не раскрывал глаз. Лишь бы не чувствовать на себе десяток пудов его взгляда! – Там много ходов... Дождевики каждый день... делают новые... и засыпают старые...

– Из-под модулей. Я провалился...

– Что ты видел?..

– Голубое озеро. Но не с водой.

Беловолосый еле заметно кивнул, будто услышанное подтверждало какие-то его мысли.

– Ты входил... в него?..

– Нет, – соврал Роберт.

– На умного ты... не похож... Значит – везучий... – Абориген, не открывая глаз, поправил «бельгийское дерьмо» на коленях.

Вода тоже приобрела стальной привкус. Роберт глотнул немного, только чтобы не мучиться липкой сухостью – как будто крови попил. Проверил даже, мазнув языком по запястью, – вода ли. Вода. Возможно, она просто усилила послевкусие от гриба. Но на ум гуртом наваливались галдящие мысли о коварстве.

Роберт глубоко вздохнул. Нужно отдохнуть.

Он встрепнулся и понял, что засыпал. Вика что-то бормотала – тихо, по-немецки. Роберт приподнялся на локтях, надеясь, что ему кажется. Что девушка не гладит несуществующую руку, глядя в пустоту и раскачиваясь. Что она не поёт отнятой конечности колыбельную...

– Идём!.. – Абориген уже стоял, держа автомат за дуло так, как под голову держат опасную змею. – Город оживает!..

Стоило ему договорить, как тоннель наполнился низким гулом. Роберт вскочил, но не устоял – то ли голова закружилась, то ли пол пошёл волной. Рядом тонко пискнула Вика. По стенам с треском рванули трещины, и из них хлынула тяжёлая белая мука.

– Быстрее!.. Вход может... засыпать!..

Беглецы бросились за ним, хватая друг друга за одежду. Песок попадал за шиворот, в глаза. Кое-где из стен он лился сплошным потоком, точно холодное, густое молоко. Спускаться становилось страшно, ведь туда же устремлялась и белая река. Но абориген не сбавлял ходу.

Внезапно всё прекратилось.

Они остановились, тяжело дыша горячим сухим воздухом. Песок под ногами нёсся вниз, будто намеревался во что бы то ни стало обогнать людей и засыпать им ход. Беловолосый озираясь потерянно, с испугом – его только что чуть не унесло.

– Боишься?.. – вонзилась в него взглядом Вика. – Ты же бессмертный!..

– Не злорадствуй... – оскалил он ряды тупых зубов. – Погибну я... не выжить и вам... Вернуться сюда... из логова... я просто не успею...

Они словно очутились в подземной реке, пока ещё неглубокой. Но «вода» пребывала. И теперь им ничего не оставалось, только ждать. Пойти дальше означало бы верную гибель.

Роберт мысленно ухватился за последнюю фразу аборигена. Действительно, ведь он дважды появлялся с одной и той же стороны – спускался оттуда, откуда пришла Вика. Получается, он «воскресал» в строго определённом месте... И если справиться с ним при необходимости, у них появится время сбежать.

Поток иссякал. Тоннель наполнила прохлада, стало значительно светлей – белый пол теперь неплохо отражал свет стен. Абориген первым ступил на песок, провалившись по щиколотку. Прощёл несколько метров вниз и махнул беглецам:

– За мной...

На этот раз спуск оказался недолгим. Впрочем, ожидаемо – песка в тоннели насыпало столько, что хватило бы на пару строительных котлованов. Справа виднелся узенький ход, проделанный, скорее всего, дождевиками, но он какое-то время не интересовал аборигена. Тот сначала постоял перед песочным тромбом, заткнувшим основной тоннель, и только после вернулся к узкому лазу.

– Сюда... – Абориген полез первым.

Брошенный на него взгляд Роберт не мог не заметить. Так смотрят на прихваченный с собой консервный нож, когда он всё же понадобился.

Это снова был тоннель, но уже не рукотворный. Скорее, шупальцетворный. И очень низкий – приходилось то горбиться, то подгибать колени. Но всё же идти согнувшись лучше, чем ползти, работая одной рукой – Вика содрала кожу на локте до крови.

Спустя полчаса ходьбы почти вслепую – прожилыны попадались крайне редко – они наткнулись на первого червя-дождевика.

– Сколько же их тут?.. – замогильным голосом прошептал Роберт, впотьмах надеясь разглядеть то, что осталось от длинного, длиннее, чем все виденные ранее, червя.

– Дождевиков?..

– Нет. Тех, кто их ест.

– Смерть... она одна... – как-то фальшиво-философски протянул абориген и опять дёрнул его за руку, увлекая за собой. – Пошли.

Где-то в подкорке громоздко и неуклюже шевельнулось подозрение. Роберт не верил, что абориген освободил его за компанию. Возможно, его роль заключалась в том, чтобы протащить бессознательную Вику как можно глубже, к месту их встречи. Но предчувствие говорило, что уготованная ему роль пока не сыграна.

Сколопендра-переросток если не обитала в этих ходах, то совершенно точно часто посещала их. Абориген почти бежал, постоянно подгоняя космопроходцев сиплым шёпотом. Не требовалось света, чтобы увидеть его страх – он шёл от бессмертного почти осязаемыми волнами.

Эхо визгливого смеха разом выбило жизнь из всех троих. Люди обмерли, точно мыши в стриженном газоне, где некуда бежать. Но прошла минута. Вторая. Эхо больше не доносилось. Для верности выждав ещё, абориген шагнул первым.

На пути ещё несколько раз попадались убитые тварью черви, и теперь в сухом воздухе несло кислым. Вика предположила, что сколопендра не так давно была тут. И что скоро, возможно, вернётся пировать.

Ход влево, который так торопился обнаружить абориген, оказался не шире норы старого, толстого бобра. Беглецам повезло, что никто из них не отличался атлетическим телосложением. Когда они влезли, подсаживая и подтягивая друг друга, и проползли какое-то расстояние, позади послышались звуки, очень напоминающие хруст кости, разгрызаемой голодной собакой. Тварь при всём желании не протиснулась бы вслед за ними. Но страх ещё не раз заставил Роберта обернуться.

Вскоре не выдержала и разрыдалась Вика, без сил упав на живот. Тоннельчик оказался гораздо длиннее первого, и единственная рука попросту отказала.

– Привал, – вместо аборигена объявил Роберт. Тот спорить не стал.

Якут глотнул воды – как металл облизнул. Поморщился. Жарко было всем, но ему почему-то особенно. Казалось, он вот-вот начнёт пыхать огнём – настолько сушило рот.

– Мы тут сгниём, – всхлипнула девушка.

Ей никто не ответил: Роберту было нечего, а беловолосый, видимо, не торопился развенчивать в принципе правдивое утверждение. Роберт врезал бы ему по довольной морде, и неважно чем бы это закончилось, но тот был далеко впереди, за Викторой.

Она уже перестала плакать и просто лежала, когда он вдруг подал голос:

– Тут ничто... не гниёт... И ничто... не умирает... Это планета... бессмертия...

Вдруг Роберт понял, что его нёбо онемело. Как будто его не стало, и языком можно достать до носоглотки. Сделалось страшно. Он потянулся было за водой, но передумал и попросил фляжку Вики. Даже решил, как поступит с отравившим его аборигеном, когда они выберутся. Если успеет. Но подозрения рассыпались: и эта вода ощутимо отдавала сталью.

Девушка настолько иссякла, что вскоре даже заснула.

– Час...

– Что «час»? – переспросил Роберт, пытаясь разглядеть аборигена.

– Я даю вам... час на отдых... Потом... если надо будет... волоком потащу её...

Ординатор бы сейчас помог... Через него их уже давно нашли бы остальные!.. Но его нет. Будто невидимой выдергой поддели и наживо выкорчевали, оставив сочащуюся тьмой рану в сознании... Даже когда пропадает связь с психосервером, всё далеко не так. Он просто как бы замолкает, немеет, как было в тоннелях до спуска в монолитный город.

– У тебя тоже белотелые Ординатора... – было спросил Роберт, но запнулся, не зная как сформулировать.

– Нет... – отрезал абориген и, кажется, усмехнулся. – Я избавился... от него сам...

Узкий тоннельчик доносил его голос слегка искажённым. Как марево раскалённой бетонки корёжит перспективу, так и он казался слоистым и размытым.

– Почему? – почти по-детски поинтересовался якут. Первое, что пришло в голову в качестве ответа – у него он тоже «барахлил».

– Носящий метку... не станет богом... – прошипел собеседник так, словно был вынужден пояснять очевидную истину не особо способному к разумению тугодуму. Худшего места для подобного пафоса, чем это – душная, тесная кишка, с одной стороны которой смерть, а с другой неизвестность – сложно было выдумать. – Кто умирает... на Ясной первыми?.. Знаешь?..

Роберт потёр глаза, задумался. Он не ожидал, что тот вообще станет отвечать. Ведь однажды уже дал понять, что гидом быть не хочет. Теперь стоило бы попытаться его расспросить. Главное, видимо, чтобы вопросы касались его лично.

– Слабые? – неуклюже предположил Роберт.

– В некотором роде... да... – усмехнулся издевательски абориген. – Психосерверы... Тот, кто... охраняет планету... легко расправляется... с ними... И с теми... кто на них... завязан через... Ординатора...

Абориген уже говорил об Ординаторе, перед тем, как утонуть в озере. Что-то вроде «не верьте приносящим дары». Тогда же он бубнил про протоволны и «подаренную» технологию «прыжка». Роберт понимал, что его слова не обязательно должны быть правдой. Слепо верить не стоило, ведь абориген мог как и ошибаться, так и банально обманывать.

– Зачем ты убил остальных? – Роберт опешил от собственной прямолинейности. Но вопрос ничуть не смутил беловолосого. Наоборот, что-то даже развеселило его:

– Догадался?..

– Логика. Ты один выжил. Из двадцати шести человек подкрепления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.